Сергей
Зверев
СПЕЦНАЗ
ОТРЯД СПЕЦИАЛЬНОГО НАЗНАЧЕНИЯ
РОССИЯ
Бойцы
анархии
ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКИЙ БОЕВИК
БАСТИОН

Бастион

Сергей Зверев

Бойцы анархии

«Научная книга»
2012

Зверев С. И.

Бойцы анархии / С. И. Зверев — «Научная книга», 2012 — (Бастион)

В неприступной, изолированной от внешнего мира «Республике дезертиров» – переворот! Власть местного «пахана» Благомора пала, и в крае развернулась настоящая гражданская война. Бывший военный следователь Михаил Луговой мечется в поисках выхода из проклятого места. Он не может и не хочет здесь оставаться, потому как остановить кровопролитие в этом аду невозможно. Едва появляется лидер, который пытается навести порядок, его безжалостно уничтожают. И Михаила внезапно озаряет страшная догадка: в крае проводится жестокий эксперимент над людьми…

© Зверев С. И., 2012
© Научная книга, 2012

Сергей Зверев
Бастион. Бойцы анархии

Бог на самом деле существует.
Просто ему плевать…

День не обещал быть особенно удачным, но и крупных несчастий не предвещал. Обычный день в избушке на болоте. Солнце втиснулось в декорированное паутиной оконце и ударило по глазам – словно лампу включили в лицо! Чертыхаясь, я отвернулся к стене и натянул овечью шкуру на макушку. Каждое утро одна и та же история. Неправильно мы со Степаном дом поставили, развернуть бы надо. Или шторку повесить. Стыдно, военный прокурор. Сметать отрез материи и прибить гвоздями к раме – незачем на белошвейку учиться…

Заскрипела в несмазанных петлях входная дверь, послышалось знакомое урчание. Заныла половица, используемая в нашем доме вместо колокольчика. Такой сон украл! Я повернулся и злобно уставился на карлика Степана. Коротышка перетаскивал через порог какие-то мешки и бормотал под нос: «Все в дом, все в дом…» Бросил, тяжело отдуваясь, вытер пот со лба. Голенища болотных сапог упирались моему «сожителю» в подмышки. Как он в них передвигался – отдельная забавная история. Плоская физиономия раскраснелась от тяжелого физического труда. Он был по уши в грязи. «Походная» жилетка, сшитая лично им из обрывков ватного одеяла, представляла жалкое зрелище. Продолжая мурлыкать, Степан выгружал из мешка ржавые остроголовые болванки и закатывал их за печку.

– Где это ты увозился? – проворчал я.

– Есть у нас места, Михаил Андреевич, – отозвался коротышка. – На чем поскользнулся, в то, собственно, и упал…

– А принес-то чего? – Голова, в которой витали остатки недосмотренного сна, плохо соображала.

– Не знаю. Но, думаю, используем в хозяйстве, – туманно отозвался Степан, закатывая в пространство «для кикиморы» последнюю железку. – Там еще есть. Возможна доставка, гм… – Он распрямился, вытер ручонки о жилетку и уставился на меня с ехидным прищуром. – Все спишь, Михаил Андреевич? Листочки с побегами еще не лезут? Мизантропия одолела? Предательски тошнит по утрам?

Я объяснил ему короткой фразой, куда пойти и чем заняться, и отвернулся, чтобы не доставал. Но коротышка с некоторых пор проповедовал здоровый образ жизни и жестко критиковал мою манеру проводить досуг.

– Ширится, растет заболевание… – цокал он языком и тряс кувшином с бражкой, который я вчера, стыдно признаться, не допил. – Не помогает уже твоя «таблетка от всего»? Слабый стал, форму теряешь. Животик формируется. А когда ты ванну последний раз принимал? А зубы когда чистил? От тебя разит, как из пасти мертвого мастодонта… Держи, Михаил Андреевич, друга тебе принес; может, человеком с ним станешь… – Он зашуршал тесемками второго мешка и что-то бросил мне на одеяло.

Я чуть не подлетел от ужаса. Животное пронзительно завизжало, острые коготки продырявили одеяло; я повернулся, и мне в лицо уперлась мохнатая морда с круглыми глазами и оскаленной пастью. В принципе, это был котенок – грязный, мокрый, оборванный. Но в тот момент он показался мне какой-то огнедышащей мифической тварью (попили бы с мое!). Закричав от страха, я схватил его за шкирку и отшвырнул подальше. Котенок жалобно заскулил и по-пластунски заполз под кровать.

– Вопрос с обретением человечности остается открытым, – печально резюмировал коротышка. – Это просто кот. Молодой домашний кот. Пищал в канаве за деревней, не смог пройти

мимо. Ты только посмотри, какой он милый. Можешь назвать его Благомором и любить, пока хватает сил…

– Степан, зачем мне два кота? – простонал я, откидываясь на подушку.

– Я не кот, – набуксился коротышка.

– Но ты имеешь отвратительное свойство находиться там, где не надо.

– Совсем ты гадким стал, Михаил Андреевич, – окончательно расстроился Степан. – Ушел бы я от тебя, да совесть не позволяет. Женщину тебе надо – только в женщине спасение от хандры и суицидальных настроений! Не век же тебе рукоделием заниматься… – Коротышка закривлялся, как шут гороховый, и, отчаянно фальшивя, запел «All you need is love». – Да, – сказал он, оборвав шедевр на полуслове, – ты всего на четырнадцать лет старше меня, тебе всего лишь сорок. Доживаем половую жизнь, Михаил Андреевич? Бери пример с меня. Столько всего интересного… Стыдно рассказать, но приятно вспомнить.

– У меня нет времени на личную жизнь, – пробурчал я и отвернулся к стене, давая понять, что диалог закончен.

Коротышка гомерически захохотал:

– Ну, конечно, ты у нас такой занятой – еще не весь самогон в деревне выпил… Ладно, Михаил Андреевич, оставайся наедине со своей совестью и остатками стыдливости. Вспоминай, кто ты такой и где находишься. А я мангал пока разведу, покушать нам сготовлю. Ты еще не бросил есть?

Потом он возился во дворе, бряцал ведрами, вытаскивал дрова из крытой поленницы…

Со мной действительно в последний месяц происходило что-то странное. Для весеннего обострения вроде поздно – лето полным ходом. Четвертое лето в Каратае – даже не верится! Целый год мы со Степаном проторчали в этой избушке между зловещими Васятинскими болотами и деревушкой с симпатичным названием Опричинка. Сначала все шло нормально. Я охотился, исследовал окрестности, в совершенстве освоил владение луком. Мы отстроили избу, создали подобие комфорта. Если пьянствовали, то вместе, если работали, то тоже тандемом. Прошла зима – не припомню, чтобы мы хоть раз замерзли. Зимы в Каратае мягкие, снега выпадает мало, а в периоды оттепелей случается, что кустарники выпускают почки, и невозможно им объяснить, что не надо этого делать. Весной пришла депрессия. Прошлое стояло перед глазами, настоящее тяготило, будущее просто убивало. Я знал, как можно выбраться из Каратая, но жизнь в России пугала. Долго ли я там пробегаю, если моя физиономия с не самыми хвалебными подписями красуется во всех отделениях полиции? Выбираться в другие районы Каратая тоже не хотелось. Везде жизнь не сахар. Оставаться в болоте, где сверхъестественное переплелось с реальностью, дичать, упрощаться, а на старости лет податься в лешие?

А коротышка наслаждался жизнью. Он не скучал по утраченной цивилизации. Именно здесь, на краю Каратая, в первозданной глуши, он чувствовал себя счастливым человеком. С ним считались деревенские. Я лично видел, чем закончилась на посиделках «конфликтная ситуация» между коротышкой и местными здоровяками Варлампием и Харитоном. Они решили поиздеваться над карликом. Это была не драка, а «Полет валькирий» Вагнера. Коротышка катался по земле, взлетал, награждая обидчиков тумаками, просачивался у них между пальцами и в самый интересный момент всегда оказывался сзади. Он двигался стремительно и непредсказуемо. Он изводил своих соперников минут десять, пока те не выдохлись. А финал поединка был просто симфонией. Подпрыгнув на левой ноге, он одновременно пнул правой в бок Харитона, отбив ему почки, а Варлампию сломал два пальца на ноге и чуть не оторвал то место, которым тот сделал своей жене двух прыщавых сынишек. Деревня потешалась, словно цирк приехал.

Степана уважали. На охоте он размозжил гигантскому вепрю хребет топориком. Он болтался по окрестным лесам, ничего не боясь, влипал в истории, но всегда возвращался живым. Он стал специалистом по метанию холодного оружия. Он знал Васятинские болота как свои

пять пальцев. Наблюдать за похождениями коротышки было сущим наслаждением. Однажды на рыбалке он плыл по Курычу за сбежавшей сетью, и водяной анчутка схватил его за ногу. Вменяемый человек сослался бы на судорогу, но коротышка настаивал, что это был именно бесенок. Он дрался с ним на отмели, вышвырнул на берег, терзал на берегу и не успокоился, пока не открутил тому голову. Все это походило на пляски сумасшедшего. «Ты видел же, видел, Михаил Андреевич? – приставал он ко мне. – Присосался, как пиявка! Страшный, зеленый… Что я ему сделал? Ты же видел, да?» Лично я мог поклясться, что коротышка дрался сам с собой, но высмеивать его не стал. Нечисти в наших краях хоть отбавляй. Каждый видит ее по-своему. Возможно, этот мелкий водяной за что-то невзлюбил моего приятеля и явился в виде проказливого чертенка. На то и дух, чтобы самому решать – быть или казаться…

В следующий раз коротышка заявился слегка испуганный и молвил с порога, что его хотела соблазнить пожилая, неряшливая русалка, но он отклонил непристойное предложение. Творческое начало у человечка отсутствовало – наврать с три короба он не мог. Значит, что-то было. По его словам, этой «диве» давно пора на пенсию – сидела такая на окатыше, драная, «тусклявая», морщинистая, с седой паклей до пояса, высасывала кишки из ряпушки. Узрела коротышку – и давай его охмурять, чары свои химичить. Степан пустился наутек, и правильно сделал – бывали случаи, что эти твари утаскивали людей на дно. Мы вернулись потом на берег – с вилами и лопатой, но «чаровницы» уже и след простыл.

Разум коротышки этот случай не охладил. Он продолжал выискивать неприятности. Пиком его «карьеры» стала прогулка в Кудряши – деревушку в трех верстах от Опричинки. Вернулся через день – довольный, сладко облизывающийся, словно кот, добравшийся до запасов сметаны. Заявил глубокомысленно: «Дают – бери, пришел муж – беги». На мои резонно вытекающие вопросы, сказал, что ничего особенного – пустяк, он парень хоть куда и пользуется у женщин повышенным спросом. Кого он нашел в Кудряшах, осталось загадкой, но особой привередливостью Степан никогда не отличался.

Последний же его выкрутас меня немного покоробил. Он пришел под утро и влюбленный. Таким коротышку я еще не видел. Он стирался, мылся, драил сапоги, заявил, что вечером у него свидание. Вытягивать информацию пришлось клещами. Я так и знал, что рано или поздно он одержит победу над здравым смыслом. По версии Степана, занесла его нелегкая на живописное озеро в трех верстах от «базы», где он повстречался с очаровательной берегиней. Умница, скромница, красавица. Берегини – это хранительницы водоемов; добрые духи, короче. Неизвестно, как они общались, но коротышка таял от обуявшего его чувства. Признался по секрету, что влюбился впервые в жизни. Такая фемина… И ладно, что дух. Неприятно, конечно, что постоянно куда-то пропадает, но в те минуты, когда находится рядом и ведет с ним беседы, она такая душка… А еще Степан по секрету признался, что берегиня – вылитая покойная Арлине, хотя сама она такого имени не знает и считает себя кем-то другим. Эта новость меня и напрягла. В берегинь, по преданию, превращались невесты, умершие до свадьбы. Была ли Арлине невестой, мы не знали, – ничего такого она не рассказывала. Я хотел подглядеть за их встречей, но Степан возмутился – только через труп. Мол, испортишь всю песню. А красться за ним втихую – занятие глупое: поймет – и жердиной отходит. В тот вечер он опять убежал на свидание. Вернулся весь такой помолодевший, томный, просветленный. Сказал, что послезавтра опять пойдет. А послезавтра – это, кажется, сегодня…

Возможно, Степан был прав. Не хватало мне общения с женщинами. Но после того, как Анюта растворилась в параллельном пространстве, я и думать не мог о других. Да и не было «других» в нашем ареале. «Контингент» в Опричинке и Кудряшах отличался специфичностью – либо толстые матроны, либо старые девы в образе селедок. Приличных девушек не водилось, а пара-другая, на которых можно было смотреть без отвращения, находилась под охраной мужей, старших братьев и непререкаемых мамаш. Не вникал я в смысл претензий коротышки.

Если не перед кем красоваться, почему я должен держать себя в форме, быть чистым, выбритым, ухоженным и далее по списку (список внушительный)?

Утро было испорчено. Понимая, что поспать уже не удастся, я начал вставать. Уселся на скрипучий топчан, отыскал «домашние» тапочки, сшитые Степаном из обрывков шкур. А когда поднялся, из-под топчана, мстительно рыча, выкатился «молодой кот» и самоотверженно бросился мне под ноги! Отомстил так отомстил… Теряя тапки, я доломал колченогую табуретку, треснулся о ножку стола, а этот мелкий пакостник, торжествующе улюлюкая, метнулся обратно под топчан и заполз в самую пыль. Я выколупывал его оттуда метлой, но безуспешно. Он моргал на меня зелеными гляделками и тихо урчал.

– Вот только вылези, и будет у нас на ужин суп с котом, – пообещал я и побрел за печку, куда Степан сложил свое железо. Со стальными промышленными изделиями в наших краях было туговато…

Болванки валялись как попало, сверкая ржавчиной и въевшейся грязью, – обтекаемые, конической формы. Мне как-то нехорошо стало. Я опустился на корточки, осторожно поднял один цилиндр, поскреб пальцем ржавчину – проступила тусклая чеканка. Колючий ком подкрался к горлу. «Александровский пушечно-литейный заводъ» – гласило клеймо. Детище самого Петра! Ныне, если память не подводит, общество с ограниченной ответственностью «Онежский тракторный завод». Долгий же путь проделали из Карелии эти болванки. Я сидел в обнимку с самым настоящим… осколочным артиллерийским снарядом! Капсюль, покрытый толстым слоем грязи, заостренная поражающая часть, впрессованная в нее массивная гильза. И эта характерная «ять» на конце «завода». Да, была Гражданская война, в Каратай бежали и те, и другие – особенно те, которым надоело воевать, но зачем притащили с собой пушку?! А главное – как? Или это был всего лишь арсенал – ящики с боеприпасами?

Кожа обрастала мурашками. Я сидел оцепеневший. Перезагрузка системы, ну и ну… Осторожно положил снаряд, отодвинулся от печки, перевел дыхание.

– Степан, твою мать!

– Да, мой повели… – распахнулась дверь, коротышка вырос на пороге, и я метнул в него тапок. Тапок оказался котом, выползающим из-под топчана. Кувыркаясь в воздухе, вопя, как ненормальное, животное пронеслось над головой коротышки и улетело во двор. Когда же я усвою, что рост у Степана метр с кепкой, и если я хочу в него попасть, то должен брать ниже? Он недоуменно проследил за полетом кота, состроил страдальческую мину, когда тот врюхался в кучу кадок и баков с дождевой водой.

– Ты такой любитель животных, Михаил Андре…

– Молчать! – взревел я и ткнул дрожащим пальцем за печку. – Тебя лупили в детстве, Степан?

– А как же, Михаил Андре…

– Мало! Немедленно убрать из дома эту гадость! Да осторожно! Взорвешься – я тебя убью! Надо же додуматься до такого – принести в дом артиллерийские снаряды… В хозяйстве, говоришь, сгодятся?

Коротышка побледнел, отвесил челюсть. Ну, не светоч Степан в определенных вопросах… Не дожидаясь, пока улягутся страсти, он прокрался на цыпочках по стеночке, принялся выполнять распоряжение. Вскоре горка снарядов перекочевала во двор, и я относительно успокоился. Рухнул на топчан и стал «вспоминать», где я нахожусь и кто я такой. Забудешь, пожалуй…

Уже три года моя судьба связана с Каратаем. «Республика дезертиров» – место, которого нет на картах. В тайну «республики» посвящены лишь заинтересованные лица. Черная дыра посреди России, большая аномальная проблема, запертое урочище на севере Иркутской области – с севера его подпирают непролазные топи, с юга – непроходимые скалы. Все дороги в Каратай охраняются, попасть сюда постороннему невозможно, выбраться – тем более. Терри-

тория невиданной красоты порядка восьми тысяч квадратных километров. Магнитное поле Земли – тяжелое и неспокойное. Праздник чертовщины. Место, где суровая реальность переплелась со всем, что мы когда-то называли фантастикой, сказками и «сельскими» народными легендами. Здесь собственный климат, уникальная природа, существенно отличающаяся от природы Якутии и Иркутской области. Живописные долины, окаймленные горами. Участки девственной тайги, поймы извилистых рек. В XIX веке здесь жили старообрядцы, позднее в Каратай потянулись люди, недовольные властью. Сюда бежали от царя, бежали от Советов, от жизненных неурядиц и происков Фемиды. Многие десятилетия здесь жили вольные хлебопашцы, мирно уживаясь с чертовщиной и прочими «неправильностями». Жили староверы, прочие «группы по интересам», не нашедшие себе пристанища на большой земле. Старожилы рассказывали, что в Каратае был практически коммунизм. Идеальное общество, где каждый занимался чем хотел и получал по заслугам. Тайна Каратая хранилась многие годы. Слухи о «Республике дезертиров» ходили по стране и сопредельным странам, но так и остались слухами. Все попытки властей прибрать к ногтю островок вольной жизни заканчивались провалами. Против агрессоров вставало негодующее население, вставала природа, овеянная сказочной аурой. Но в шестидесятые годы и сюда просочился криминал. Паханы прибирали долины, облагали данью местное население. Грызлись между собой – и у холопов трещали чубы. Смутное было время. Война за алмазные рудники, за право контролировать контрабандные тропы, за благодатные почвы долин, где охотно приживались конопля и опиумный мак.

«Единоначалие» воцарилось не так давно – лет пятнадцать тому назад. Пронюхали спецслужбы и чиновники, что можно зарабатывать приличные деньги. И не только на алмазах и наркоте, но и на НЕПОЗНАННОМ. Взять под контроль точку взаимодействия миров в распадке Бушующих Духов, построить «пропускной пункт», наладить доставку туда и обратно заинтересованной публики – туристов, коммерсантов, шпионов…

И как я оказался в этом вареве? Нарочно не придумаешь. Следователь Марьяновской военной прокуратуры – Луговой Михаил Андреевич. «Вояж» в 2006-м по Каратаю – дикий неразумный люд, «маугли», прыгающие по деревьям. Концлагерь в Лягушачьей долине, где Саулом – вассалом Благомора – активно применялся труд невольников. Люди пропадали в России и ближнем зарубежье и всплывали в Каратае в качестве бесплатной рабочей силы. Сколько тысяч исчезает в России ежемесячно? Кто их ищет? Несколько месяцев в каторжных условиях – и на свалку… Там и начал мою вербовку местный царек Благомор – в миру Раевский Олег Геннадьевич. Чем я так ему приглянулся? Плелись интриги, заговоры в окружении, разоблачались предатели, он пережил несколько покушений на свою дражайшую жизнь. Я несколько раз ловил себя на мысли, что ничего о нем не знаю. Информации – ноль. Кто такой Раевский? Тиран, жестокий диктатор Каратая, связанный с посвященными лицами в России и мире, ловкий администратор, умелый управленец – в общении интеллигентный и практически нормальный человек… Я в ужасе бежал из Каратая. Вырвался из урочища, год скитался по стране, кочевал из региона в регион. Меня накрыли в гостинице Томского аэропорта – и Анюта в баре подвернулась так «удачно»… Выбор незатейливый: либо возвращаюсь в Каратай, где служу Благомору, сохраняя видимость вольной жизни, либо милости просим на тот свет. Два года в кромешном тумане. Авария вертолета в болотах Северного Каратая, и группа выживших рвалась на юг, знакомясь с местными «достопримечательностями». Положительные персонажи катастрофически кончались. Случайная встреча с Благомором, бегущим от заговорщиков, ликвидация банды, «особая милость»… Я ходил не в кандалах, жил с Анютой в собственном доме (и Степан в каморке под лестницей), руководил оперативным отделом, пахал как каторжный, целый год, выискивая в подразделениях власти окопавшихся заговорщиков – РЕАЛЬНЫХ, а не мнимых. Подстава, измена, и снова все кувырком. Красивая сказка про параллельный мир, где общество самодостаточно и государство не лезет в душу. Мы рвались с группой таких же неудачников в распадок Бушующих Духов, надеясь проскочить за «портал».

Анюта проскочила. Корович проскочил. А нам с коротышкой не повезло… Обвал в горах, пещеру завалило, осталось смазывать пятки. Мы шли через Каскадные горы, выжили, одолели тайгу, болота, добрались до Опричинки – глухой дыры на северо-востоке Каратая, построили избушку, зажили…

Порой я скучал по свежей прессе. Додуматься до издания собственного «рупора» Благомор не сподобился. А было бы славно… Скажем, «Вестник Каратая». Или «Знамя Благомора». Или «Героические будни шестидесятой параллели». Распространялась бы газета бесплатно. В труднодоступные места сбрасывалась бы с вертолетов. На первых двух страничках – свежие новости. «Голодный бунт в деревне Худошейке, и наш корреспондент берет интервью у непосредственных участников событий, поднявших на вилы своего старосту». «Радостные впечатления гостей из параллельного мира от встречи с немного не выспавшимся лешим». «Вести с полей: трудовой коллектив сборщиков каннабиса из долины Падающей воды вызывает на соревнование коллектив из Теплой долины». А также беседа о способах повышения производительности труда с местным надзирателем Толяном по кличке «Двустворчатый шкаф» (тоже немного не выспавшимся). На третьей странице – новости криминала. «Группа конченых сволочей из комендантской роты Мерзлого Ключа подралась с таким же коллективом из группы обеспечения авиабазы в Журавлином. На стрелке побывал наш корреспондент и вник в проблему конфликта». Далее – философские рассуждения местных литераторов о феномене и необходимости Каратая, статья известного натуралиста в рубрике «Природа и ее ошибки», отрывок из эпической саги, восславляющей «вольный труд на вольной земле», прогноз погоды, анекдоты, кроссворд…

Мы бежали из жутковатого распадка в начале прошлого лета. А в сентябре прошел слушок по затерянному уголку: власть Благомора в Каратае низложена! Люди шептались, новость обрастала небылицами. Достоверной информации не было – представители власти в наших землях практически не появлялись. Взять тут нечего, народ голодает, алмазов нет, золото и платину не добывают. Только торф на Васятинском болоте – все богатство наших палестин. Случались, конечно, «проходимцы» (в последний год их даже прибавилось), от них и черпали информацию. На основе переработанных слухов, неряшливо «транслируемых» новостей представала картина встряхнувших Каратай событий. Долбануло одномоментно – по всей «республике». В конце июля – начале августа. Как это происходило технически, непонятно. Активизировались внедренные агенты во всех структурах, десант, взрывчатка, диверсионные группы, окопавшиеся в лесах? Возможно, всего помаленьку. Акцию спланировали и осуществили безупречно. Ключевые службы оказались обезглавлены и разбиты. Руководство – уничтожено, материальная база – ликвидирована. Приказов от вышестоящего начальства не поступало, поскольку наверху творилось то же самое. Гремели взрывы, служивый люд в панике разбегался, бросая рабочие места, казармы, домики для проживания. Окрестные леса наполнялись испуганными людьми. Возможно, были очаги сопротивления, но их подавили. Резиденция Благомора в Тарбулы подверглась разрушительному обстрелу. Откуда велся огонь? Что случилось с Благомором – убит, бежал? Информации не было.

Пылали особняки «феодалов» в долинах, маковые и конопляные поля. Мерзлый Ключ и долину Черного Камня, где базировались основные службы, сровняли с землей. Авиабазу в Журавлином заблокировали, а технику вывезли в неизвестном направлении. Над местами скопления вооруженных людей несколько дней кружили вертолеты, сея хаос и смерть. Гремели взрывы на алмазных приисках в Аркадьево. Уничтожалось все, что приносило колоссальные, никем не учтенные и не облагаемые поборами доходы. Узники концлагерей резали охрану и разбегались. Рассеялся дым, и над Каратаем воцарилось хрупкое затишье. Инфраструктура была разбита, склады взорваны и разграблены. На свято место никто не явился. Пропали те, кто учинил ужасающий беспорядок. Все, что возводилось годами, пало в прах. Погибли сотни людей, остальных рассеяли. Тропы и выезды из Каратая оказались перекрыты…

кем-то. Завалены, затоплены, заминированы. Десятки тысяч людей, для которых Каратай стал родным домом, остались во всем этом – запертые, растерянные. Крестьяне, староверы-раскольники, рабы, обретшие свободу, работники многочисленных служб и их семьи, инженерный, вспомогательный персонал, охрана, труженики безопасности, гигантская армия проституток, обманом и силой завезенная в Каратай для потехи несущих службу контрактников… И все это рассеялось, попряталось, затаилось в ожидании. Но ничего не происходило. В огороженном от мира урочище воцарилось безвластие, словно кто-то решил понаблюдать: а что же будет? Как сказал один знакомый фээсбэшник, в этой стране всегда хватало экспериментаторов. Сколько можно зарабатывать деньги? Не пора ли начать их тратить?

Происходило именно то, что и должно. Маргинальная публика сбивалась в банды. Неспособные держать оружие зарывались в леса и горы. Крестьяне в деревнях срочно вооружались, обносили территорию заборами, рвами – чтобы хоть как-то защищаться от грабителей и мародеров. Прекратились поставки, и на повестку встал вопрос добывания еды. «Полная апокалиптика», – емко выразился Степан. Конец ВСЕГО – в пределах обособленной от мира территории. Оружия и транспорта в Каратае хватало, бензин пока имелся. Но вот протрубили ангелы, и воцарился хаос! Банды терроризировали население. Мирные жители разбегались или давали отпор, превращаясь в таких же бандитов. Беспомощная публика зарывалась в леса, превращаясь в корм для диких зверей. Мародеры трясли склады, унося все, что имело хоть какую-то ценность. Шайки промышляли на дорогах, воевали друг с другом за зоны влияния, грабили брошенные особняки в долинах, гонялись за людьми, особенно за женщинами. По дорогам разъезжали угрожающего вида моторизованные (и военизированные) колонны. Жизнь в Каратае превратилась в ад…

Но имелась во всей этой истории одна пикантная сторона. В любом хаосе должны осуществляться попытки захвата власти – индивидуумами или организованными группами людей. Это так же естественно и обязательно, как любой физический закон. И такие попытки, безусловно, были. То лихой атаман, промышлявший с кучкой сообщников в Теплой долине, подомнет под себя несколько деревень, учинит террор для непослушных, назначит управляющих, запустит слушок, что у него безопасно, – и народ, исстрадавшийся в бардаке и неразберихе, непременно потянется. То объявится «мессия», объявит себя новым Христом (да хоть Зарату-строй), сочинит на коленке подходящую религию, пообещает народу вывести его из тупика – и снова отчаявшиеся люди будут сбредаться под его знамена. Но всякий раз происходило что-то непонятное. Едва имело место нечто подобное, под покровом ночи являлся на вертолетах загадочный спецназ – крепкие, запредельно вооруженные парни в масках и камуфляже – и уничтожал верхушку новоявленной структуры. Оказать сопротивление таинственным «ликвидаторам» никто не успевал. Мероприятия проводились без комментариев. «Мессию» расстреливали, ближайших соратников демонстративно развешивали на березах, а паству или «подданных» просто разгоняли. Вдумчивый анализ выявлял интересную картину. Банды мародеров могли безнаказанно грабить, убивать и заниматься тому подобными милыми глупостями – за их жертв никто не вступался. Шайка, банда, относительно крупное деструктивное сообщество без претензий на умы и души большого количества людей – пожалуйста. Истребление беззащитных – ради бога. Организация сельского совета самообороны для отражения набегов извне (в пределах одной деревни) – сколько угодно. Но любой намек на учреждение властной структуры под водительством некоего «спасителя нации» – и немедленная кара…

Над этим можно было долго размышлять и строить версии. Происходящее напоминало затейливый эксперимент. Кто его проводил? Исходя из возможностей этих людей, их информированности и наплевательского отношения к загубленной сверхприбыли… можно было только догадываться, откуда растут ноги. Глупо скрывать, мне было любопытно, что сейчас, по прошествии года, происходит в обитаемой части Каратая. Я резонно догадывался, что ничего хорошего – достаточно посмотреть любой фантастический фильм про «апокалипсис», исклю-

чить из него радиоактивный пепел, землетрясения, тайфуны, застывшую вулканическую лаву, глобальный энергетический кризис, и то, что осталось, выложить в реальность. Но я привык к жизни в болоте, к своей депрессии, перемежаемой просветами, – я заполнял их охотой, работой по хозяйству, общением с деревенской публикой. Другого не хотел. Не ждал я от жизни радостных событий и ценил свое спокойное существование. Коротышка был согласен со мной, хотя и нападали на него временами пароксизмы «смены мест». «Неужели не интересно тебе, Михаил Андреевич, что творится в мире-то? Мир в опасности, ждет своего героя. А может, там уже идиллия? Никакого гнета, насилия… Всех плохих уже прикончили, остались одни хорошие? Поедем в Каратай, Михаил Андреевич? Там хорошо, красиво, осточертело уже твое болото. Поживем в эпоху Ренессанса». – «Хренессанса», – ворчал я, и доносил до мечтателя нехитрую мысль, что всех плохих парней за год убить невозможно, на это требуется лет десять, а то, что «анархия – мать порядка», звучало красиво лишь в устах Бакунина и компании. Но временами нападал какой-то зуд. Я вслушивался в разговоры сельчан, требовал новостей от бродяг и пилигримов, заходящих в Опричинку. А сколько развелось бродячих проповедников! Еще бы крышу от такого не снесло. Заявились недавно две снулые мымры в платочках и выдали, войдя без стука: «А вы знаете, что Христос вас любит?» Я ржал, как подорванный, а Степан схватил ухват и гнал этих «свидетельниц» до самой деревни, откуда они, собственно, и прибыли, не найдя там себе единомышленников. «Работать идите, кошки драные! – разносились по полю его писклявые вопли. – Понаехали тут, людей добропорядочных с праведного пути сбиваете!» Вот уж воистину… Скоро труженики сетевого маркетинга пойдут – будут впихивать никому не нужные бритвы, «сверхпрочные» колготки, пылесосы на батарейках…

Раздался сдавленный крик. Душа похолодела. Я выбежал из дома. Так и есть! Степан уронил на ногу снаряд вековой давности и теперь прыгал на одной ноге, держась за вторую. Снаряд почему-то не взорвался. Я перебежал двор, подобрал две оставшиеся железки и уволок их за плетень, где выгрузил в глубокую канаву.

– Ну, что, чучело, прошел испытание болью? – ухмыльнулся я, возвращаясь в дом.

– О, да, на мою долю выпало много испытаний, – огрызнулся коротышка.

Абсолютно ничего в этот день не предвещало несчастья! Светило солнышко, дрейфовали перистые облачка. Я практически проснулся. Вернувшись в дом, допил из кувшина кислую клюквенную бражку – перекосило так, что в голове выстроился порядок. «Не пей! Еще утро!» – закричал поборник трезвости в голове. «Так еще и не самогон», – резонно отозвался «анонимный» алкоголик. Я перетряс посуду на холодной печи, выискивая что-нибудь съедобное. Нашел ржаную краюху, перенес на стол оцинкованный тазик, снял с него крышку, вооружился деревянной русской ложкой и с грустью уставился на содержимое. Занимательная, между прочим, диетология. Человечество, я так понимаю, делится на три категории: те, что ели черную икру, те, что не ели и вряд ли соберутся, и те, которые объелись черной икрой… Осетрина в Опричинке в отдельные месяцы случалась чуть не основным продуктом питания – причем не от хорошей жизни. Из осетрины делали котлеты, голубцы, а мой Степан однажды экспериментировал и соорудил из осетра вполне «жизнеспособный», величиной с кастрюлю пельмень.

День, невзирая на утреннюю встряску, стартовал спокойно. Я извлек из бака разочаровавшегося в жизни кота, отнес в дом, погладил, накормил – то есть, в принципе, подружился с этим взъерошенным отщепенцем. Степан заявил, что в полночь у него свидание с берегиней, и если я не возражаю, он должен привести себя в порядок, то есть выглядеть на все сто. Я пожал плечами. Но когда он гремел тазиками в холодной бане, потом шарил по сусекам, ворча под нос: «Где моя рубашка от Валентино?», то невольно забеспокоился. Уж не хочет ли этот влюбленный идиот довести свои отношения с нематериальным объектом до полного логического маразма? Кто их знает, а вдруг девчонка будет не против? Степан – известный покоритель женских сердец и прочих органов. Я задумался. Можно усыпить бдительность Степана и проследить за его амурными похождениями. Но это будет не по-товарищески. Сам расскажет,

если захочет. Угрозы для жизни берегини не представляют – если под их личиной не скрывается, конечно, кто-то другой…

Но все взорвалось и рассыпалось! Около одиннадцати вечера (батарейка в часах пока не села) окрестности Опричинки огласил раскатистый гул. Ночное небо озарилось оранжевым свечением. В отдалении вспыхнула стрельба. Она нарастала, и в окошке, выходящем на север, забились огненные сполохи. Мы сидели в доме. Я раскладывал пасьянс в свете масляной лампы. Степан – помытый, в чистой жилетке из бычьей кожи, весь в предчувствиях «рокового» свидания под луной – отсчитывал минуты и гипнотизировал чучело ястребиной совы, набитое трухой и опилками (его он сам притащил в дом, уверяя, что при жизни сова была ведьмой, а теперь будет оберегом). Когда разразилось «ненастье», я бросил карты и метнулся к оконцу. Давно стемнело, рассмотреть что-то было невозможно. От деревни нашу избушку на краю болота отделял лужок, заросший пыреем, и небольшой березовый околок. Сама деревня из окна не просматривалась. Но в небе над Опричинкой бесился фейерверк. Там все трещало, гремело, отчаянная пальба глушила рев двигателей. Занималась зарница – похоже, горели крестьянские избы.

Я отшатнулся от окна, споткнулся об упавшую табуретку. Степан застыл в нелепой позе плохого танцора, отвесив челюсть до пола, и смотрел на меня расширяющимися глазами.

– Отомри! – рявкнул я. – Ты чего?

– Да вот, стою, весь в ребусах… А делать-то чего, Михаил Андреевич? Ну, стреляют… Может, само рассосется?

– Не рассосется, Степан. Хватай оружие и шустро из дома – как бы в нашу хату не прилетело!

Я метался по горнице. Сорвал со стены охотничью двустволку, сунул горсть патронов в карман, натянул кирзачи, безрукавку из кожи молодого оленя, задумался на мгновение, схватил еще и лук, вырезанный из орешника, тряпочный колчан с ремешком, рассчитанный на дюжину стрел.

– Проблемы с тормозами, боец? – зарычал я на Степана, который стоял как вкопанный, весь такой тоскливый – мол, счастье было так близко…

– Но у меня же свидание, Михаил Андреевич, я должен идти… Это не наша война…

– Зато смерть наша, Степан. Уж поверь моему жизненному опыту.

– Он вам еще жить не мешает – ваш опыт? – в отчаянии вскричал коротышка. – Ладно, я еще успею…

Он тоже начал метаться, впрыгнул в щегольские сапожки, выхватил из сундучка, сплетенного из стеблей тростника, два топорика. Мы вывалились из хаты – а вакханалия в районе Опричинки только разгоралась. Мы перебежали двор и залегли за сортиром, состоящим из трех стен и потолка. Возвести четвертую стену не хватило духу, да я и не хотел – в минуты «отдыха» на очке открывался философский вид на болота, да и запашок не скапливался. Из укрытия просматривались кусочек луга и березняк перед деревней. Вся северная часть неба озарялась сиянием. Грохотал крупнокалиберный авиационный пулемет, чертили небо трассеры, гремели взрывы. Неясные тени носились по небу. И за что такое счастье нашей дыре?

– Красотища, Михаил Андреевич… – зачарованно шептал Степан. – Прямо Новый год…

– Хреновая красотища, приятель. Боюсь, от Опричинки мокрого места не останется…

– А что это значит, Михаил Андреевич, ты не думал?

– Думать, Степа, надо в обстановке, когда условия способствуют, а с этим сейчас проблемы… Но версию могу предложить. Некая персона с группой верных людей пыталась вырваться на вертолете из Каратая. За ними гнались – на тех же «вертушках». Сбили над Опричинкой. Вертолет не упал, совершил аварийную посадку. Тут их и обложили со всех сторон…

Кто-то бежал по лугу со стороны деревни, размахивая руками. Падал, вставал, снова бежал. Я отложил лук и взвел курок двустволки.

– Не стреляй, Михаил Андреевич, – зашипел Степан. – Это Митька, сын Акулины…

Он подбежал поближе, и я его узнал. Балбес «осьмнадцати годков», по уровню развития слегка опередивший трехлетнего ребенка. С его мамашей, розовощекой вдовой Акулиной Лаврентьевной, дамой «особо крупных размеров», у коротышки что-то было. Во всяком случае, он придерживался такого мнения, но никогда не раскрывал подробности. Не проблема, что «любовница» втрое выше и вдесятеро массивнее – был бы человек хороший, и чтобы исключительно «по взаимному согласию». Я никогда не мог понять, как у них это происходит технически… Отрок уже перебежал луг, треснулся лбом о плетень, перелез на нашу территорию и, тоскливо подвывая, закружился по двору.

– Михаил Андреевич! – протяжно изрыгал он. – Михаил Андреевич! Степан! Степан!

Парнишка обладал полным набором дефектов речи, но мы его прекрасно понимали. Я позвал его по имени, но у парня, видимо, уши заложило. Пометавшись, запрыгнул на крыльцо, вломился в избу. Раздался душераздирающий кошачий визг, переходящий в человеческий. Пулей вылетел кошак, за ним – пацан, убедившийся, что в доме никого нет. Он брызгался слезами и ревел благим матом. Мы бросились к нему.

– Что за дела, пацан? – завопил коротышка.

Он взвыл еще громче и начал путано излагать обстоятельства. Взволнованный, потрясенный, парень едва проговаривал слова. Со лба человеческого детеныша сочилась кровь – с плетнем бодался. Из сбивчивого монолога явствовало, что пришел конец света, о необходимости которого долгие годы вещал сельский поп Окакий по кличке Дантист (имелось у батюшки странное хобби – вырывать веревочкой с узелком больные зубы прихожанам). Раскололось небо, и из огнедышащего «козмоса» рухнуло на огород бабки Казимировны небесное тело с пропеллером. Бесовозка – кто бы сомневался. Все посадки в огороде полегли и забор треснул. Полезли из бесовозки бесы, много бесов, но вновь раскололось ночное небо, и закружились в нем другие транспортные средства для перевозки демонов, стали палить по тем, что внизу. А те – по верхним. С вертолетов съезжали на тросах демоны в масках, увешанные оружием. Но те, что шмякнулись в бабкином огороде, лопухами не были. Стреляли залпами, поубивали много атакующих, сбили вертолет, который рухнул на крышу Пантелея Свирищева, и дом, естественно, загорелся. Пламя перекинулось на соседние избы, а ночь ветреная… словом, половина деревни уже пылает, люди разбегаются, бой не стихает. Митька с мамкой выскочили из горящей избы, перебрались через плетень в бурьян, но тут благословенная Акулина Лаврентьевна упала в канаву и сломала ногу. Передвигаться не может, лежит в канаве, взывает к Господу, а сараи у плетня уже горят; если пламя перекинется на бурьян…

– Михаил Андреевич, мы же не хотим туда идти! – завыл раненой выпью Степан.

– Нехорошо, дружище, – скрипнул я зубами. – Ты спал с этой женщиной…

– Точно, – хлопнул себя по лбу коротышка. – О, горе нам, горе… Знаешь, Михаил Андреевич, что-то я очкую туда идти.

– Оставайся здесь, – бросил я. – Помогу женщине и вернусь.

– Да хрена ты вернешься! – завопил Степан. – Пропадешь без меня! У-у, гаденыш! – Он пнул, подпрыгнув, ни в чем не повинного парнишку. – Ну, пошли, чего мы тут стоим?

Все пошло́, естественно, не по сценарию. Географически так сложилось, что Опричинка на севере от нашей избушки, болота – на юге. Мы бежали, пригнувшись, по полю. Митька вырвался вперед; он и свалился первым, когда в лесочке разгорелась отчаянная пальба. Стреляли, возможно, не по нам, но пули из «калашниковых» (а летят они ой как далеко) разлетались куда попало. Мы подползли к подстреленному пареньку. Ночь была достаточно лунной, чтобы заметить дырку в груди, из которой фонтаном хлестало. Помочь пареньку мы уже не могли – он умер мгновенно, пульс не прощупывался.

Березняк по фронту изрыгал автоматные очереди, рвались гранаты. Степан лежал, зажав голову, и жалобно скулил. Я дернул его за штанину и стал отползать. «Скорая помощь на дому», похоже, отменялась. Из березняка повалили люди. Их было человек двенадцать, они бежали в нашу сторону. Оборачивались, стреляли, бежали дальше. Двое повалились – огонь из леса велся плотный. Другие стали перебегать. Мелькали вспышки – лес за спинами бегущих мигал, как рождественская елка. И слева от леса мигало, и справа… Упавших в огороде Казимировны, похоже, выдавили из горящей деревни (или сами пробились), и теперь их оттесняли в сторону болот – то есть прямо на нас. Погоня шла полукольцом, не оставляя беглецам шанса вырваться. И точка, к которой стремилась эта усеченная окружность, располагалась там, где была наша избушка!

Степан очнулся, шустро пополз, отталкиваясь ножками от земли. Но мы уже не успевали. До отступающих автоматчиков оставалось метров семьдесят. Они потеряли еще двоих, у живых падала скорость. Их буквально расстреливали. Поднялись двое, побежали, согнувшись в три погибели. Их прикрывали несколько человек, заливая свинцом атакующих.

– Степан, не шевелись… – прохрипел я. – Может, проскочат, не заметят…

Идея была ошибочной. Первая «партия», уходящая от преследования, могла и не заметить, но те, что шли за ними густой цепью, не заметить не могли. Убьют – кто будет разбираться? Да и Степан не вник моему дурному приказу и пустился наутек – к избушке. Скрипнув зубами, я подхватил лук и пустился за ним. «Ружье оставил!» – пронзила запоздалая мысль. Ладно, толку с этой допотопной двустволки…

– Любомир, здесь кто-то есть! – грохнул за спиной резкий бас.

– Не стреляйте!!! – завопил я. – Мы здесь живем!!!

– Не стрелять! – рыкнул голос, показавшийся мне знакомым. – По тем стреляйте, идиоты!

– Тупак, Онуфрий, прикройте! – забился в тремоло звонкий девичий голос. – Именем Любомира, вы должны это сделать!

Двое послушно откололись от бегущей группы, и тут же загавкал ручной пулемет Калашникова. Атакующие распались, атака захлебнулась. «Какая покорность и самоотверженность, – мелькнула мысль. – Ведь знают, что на смерть остались…» А я уже продрался сквозь колосья бурьяна, перелез через плетень, протопал по дорожке мимо западной стены нашей хатки и вывалился во двор. Бежать в избу и запираться, похоже, смысла не было. Коротышка учащенно дышал за спиной, захлебывался. Худо дело: стрелка тахометра в красной зоне…

– Все, Михаил Андреевич, не могу больше…

– К сортиру!

Я схватил его за шиворот. Мы добежали до середины двора. Пулеметчик на поле еще не отстрелялся, сдерживал атаку.

В спину прогремело: «Стоять!» – и пули из компактного пистолета-пулемета пропороли землю под ногами.

Стоило поумерить прыть. Мы были как на ладони, можно не целиться, чтобы в нас попасть. Я схватил разогнавшегося коротышку, вскинул свободную руку – дескать, сдаемся, рады гостям. К нам бежали шестеро – все, кто уцелел в жаркой схватке. Луна в эту ночь выдалась знатная, размытый свет очерчивал фигуры. Женщина – стройная, вся в блестящем, обтянутая, с развевающимися волосами – валькирия какая-то… Шестеро мужиков – крепко сбитые, одеты кто во что, увешаны автоматами. Яркий свет ударил в лицо.

– А это что за лешак? – выкрикнула девка.

Я хотел возразить, что сама она кикимора, но память напомнила, что я четыре месяца не брился и год не стригся, выгляжу как типичный лесовик, и промолчал.

– Местный, говоришь? – с бархатными интонациями проговорил мужчина. Он приблизился, осветил хлопающего глазами коротышку, еще раз меня.

– И уродец при нем… – фыркнула девица.

– Да сама ты уродка!.. – взвился коротышка.

– Минуточку… – пробормотал мужчина. Дрогнул фонарь. – Луговой?.. Михаил Андреевич?.. Вот так встреча…

– Вы дали правильный ответ, – проворчал я. – Осветите, пожалуйста, лицо… – Голос человека давал основания полагать, что я его узнаю.

– Может, пойдем уже? – нетерпеливо подпрыгивала девица.

Говорящий поднял фонарь и осветил свою чертовски примечательную физиономию. Глаза горели бесноватым огнем – возбудился «мессия» в горячке боя. Черные волосы спадали с плеч, потные пряди прилипли ко лбу. Узнать его было трудно. У человека, с которым я имел когда-то дело, не было ничего харизматического. А этот был ходячей харизмой – от него буквально исходили волны отрицательной энергии. Сильно изменился за прошедший год… Рачной Валерий Львович – бывший начальник службы безопасности Благомора.

– Мое почтение, Валерий Львович… – пробормотал я, впадая в замешательство. Не сказать, что с данным индивидуумом мы водили тесное знакомство – при случае здоровались, обменивались дежурными фразами. В памяти Рачной остался сдержанным, в меру интеллигентным профессионалом.

Люди, оставшиеся погибать, кажется, погибли. Строчили пистолеты-пулеметы, перекликались люди, вставая в полный рост. Бросок – секунд двадцать – и они здесь.

– Вы как хотите, а я пошла… – опомнилась девица.

– Постой, Виола… – Рачной схватил меня за воротник, заговорил, глотая слова: – Ты здесь живешь, Луговой, я не знал… Мы же ладили с тобой, помнишь?.. Окажи услугу – проведи через болота… В долгу не останусь, клянусь, мое слово – кремень… Тебя с этим мелким все равно убьют, кто тут будет разбираться? Эти твари убивают все, что движется…

– А не пойдешь, мы сами тебя убьем! – истерично завизжала девица.

Я все уже понял. Жизнь давала резкий поворот. Теория вероятности – чушь собачья. Маловероятные события случаются сплошь и рядом.

– Степан! – хрипло бросил я. – Веди на Сонькину топь. Ты знаешь короткую дорогу. И выруби, ради бога, свой фонарь, Валерий Львович…

Ночка удалась на славу. Вся честная компания вывалилась за сортир, когда участники погони высыпали во двор и принялись палить в разные стороны. Мы с коротышкой бежали первыми (спасать хотелось только наши жизни). Рачной не отставал – дышал в затылок; словно крылья демона, развевались полы его плаща. Изменился, сильно изменился Валерий Львович… Сзади топала девица, норовила обогнать, но тропа была узкой; фемина толкалась, сыпала проклятиями. Васятинские топи – это несколько квадратных километров заболоченной низины. Мелкий кустарь, дохлые ивы, залежи бурелома, маскирующие опасные участки, масса побитых молнией деревьев, коварных трясин, засасывающих быстро и навсегда. Я неоднократно приходил сюда в меланхолическом настроении, освоил несколько троп, и с нечистью, считающей низину своим домом, кровопролитных войн старался не вести. Но этой ночью на помощь «потусторонних» сил можно было не рассчитывать – не любит нечисть огнестрельного оружия, и если рядом стреляют, предпочитает прикинуться несуществующей…

– Валерий Львович, кто эти люди?

– Спецназ, – коротко бросил Рачной. – Натасканный спецназ, съевший собаку на убийствах…

Мы еще не вбежали в лес. Трава по пояс, под ногами чавкало, островки кустарника возникали то слева, то справа. Растительность уплотнялась, мы бежали практически по коридору, окаймленному плотной ивовой порослью. Погоня ударила дружным залпом. Повалился замыкающий процессию «сподвижник». Свинец ложился плотно, все бегущие попадали в траву. Виртуозно материлась девица.

– Ощера, останься! – скомандовал Рачной. – Прикрой нас!

– Понял, Любомир… – Голос смертника дрогнул. Но ослушаться приказа мужик не посмел – улегся на пузо, разбросав ноги, и упер рожок «калашникова» в землю. А в полумраке уже перебегали неясные фигуры, метались огоньки пламени…

– Неплохо ты их выдрессировал, – оценил я, совершая прыжок по следу коротышки.

– Я старался, – скупо вымолвил Рачной, прыгая за мной. Не повезло – пуля попала в спину; Рачной охнул, упал лицом в траву, затрясся.

– Любомир! – бросилась к нему «боевая подруга», свалилась на колени, стала переворачивать.

– Ух, е… синячище будет… – закряхтел Рачной, вставая на колени. – Спасибо, родная, что не забываешь… Бронежилет, Михаил Андреевич, а ты что подумал? Не волнуйся, бежать смогу…

Собственно, я не волновался, сможет ли бежать Валерий Львович, равно как и вся его прореженная команда. Но бежали они справно. Впрочем, недолго. Ощеру, подарившего нам секунд пятнадцать, уже пристрелили. Спецназовцы валили толпой, старший скомандовал ускорить шаг. И пули их ложились все точнее… Растительный коридор уже кончался, от леса его отделяла небольшая пустошь. Секунды до леса, но под жестким автоматным огнем эти несколько секунд могли стать вечностью…

– Валерий Львович, уж не обессудь, надо бой принимать… – прохрипел я, падая в траву. – Надеюсь, ты своим людям не только мозги мусорил, но и обучал их основам ведения боя?

– Не волнуйся за моих людей… – Рачной вник в ситуацию. – А ну, ложись, земляне! Ушак, Тихомир, к бою! Покажем этим остолопам! Виола, сгинь куда-нибудь на хрен…

– Не сгину, Любомир, – ворчала девица, ворочаясь в траве и стаскивая со спины автомат. – Вместе веселились, вместе и помрем, любовничек, мать твою…

Этот боевой эпизод чем-то напомнил сражение при Фермопилах. На роль солдат царя Леонида мы, конечно, не годились, но тактическая позиция взывала к ассоциациям. Коридор из кустарника, атакующая волна… Спецназ не разобрался в ситуации. Они бежали в полный рост, на инерции. Светлячки фонарей бесились перед глазами. Мы еще не были в этом свете, и не стоило тянуть. Я привстал на колено, вставил прорезь стрелы в тугую тетиву, натянул. Сдавило мышцу в левой руке. Хлопнуло, пропела струна. Со смачным хрустом наконечник порвал чешуйки бронежилета и проткнул тело. Жертва сдавленно вскрикнула, фонарь покатился по земле.

– А лешак-то не промах… – одобрительно заметила Виола.

И мы открыли огонь – все разом. В узком пространстве это было что-то мрачное. Спецназ валился как подкошенный. Умирали, возможно, не все, благодаря кевларовым одеждам – но из строя выходили. Демонически хохотал Рачной, высаживая очередь за очередью. Орала на протяжной ноте Виола – и где Валерий Львович раздобыл это «счастье»? Матерились Ушак с Тихомиром…

Патроны у врагов закончились одновременно. Ругаясь, хлопали себя по поясам и карманам. Поднялись еще двое, побежали, строча от пуза. Я натянул стрелу, послал ее точно в цель… и лук переломился! Вот тебе, бабушка, и… Смельчак свалился в нескольких шагах от меня. Но подбегал второй, вопя, как горластая баба. Свистнуло над ухом – Степан метнул топорик. Отличная возможность применить свои умения на практике. Отточенная сталь взломала грудную клетку, и еще одним спецназовцем на свете стало меньше.

– Уау!!! – восторженно взвыла Виола, вставляя магазин.

– К лесу! – скомандовал я. – Бегом марш!

Мы с коротышкой уже неслись – к чертям собачьим эту войну! Секунды отмерялись в голове ударами кувалды. Кто-то из «сподвижников» – то ли Ушак, то ли Тихомир – после

боя уже не поднялся, лежал по стойке смирно. Остальные выпустили несколько очередей и помчались, обгоняя нас. Всей толпой мы влетели в лес, попадали за поваленные деревья. Кто-то закричал – я слышал, как хрустнула кость.

– Луговой, куда бежать? – хрипел Рачной. – Здесь не видно ни зги…

– Оружие к бою, Аники-воины… – Трезвый рассудок мне пока не изменял. – Укрыться за деревьями, ждать… Как пойдут – стреляют все!

Свистопляска не кончалась. Но решение я принял удачное. Взбешенный спецназ выбегал из кустов – им и в голову не приходило, что мы опять устроим им засаду. Автоматы застучали, когда они бежали по открытому пространству. Люди падали, кувыркались. Кто-то попятился, пустился наутек. За ним побежали другие, падали в кусты, зарывались в ядовитый щитовник. Степан метнул второй топор, но, кажется, не попал.

– А вот теперь пошли! – гавкнул я. – Степан, во главу колонны! На Сонькину топь! Валерий Львович – фонарик Степану! У нас не больше минуты, чтобы смыться. Идем по одному, руку на плечо товарища…

– В гробу я видал таких товарищей, – ворчал Степан, – их товарищи в лесах под Тамбовом лошадь доедают…

В какой-то момент я сообразил, что за мной идут лишь двое – Рачной и его подруга (я так и не видел ее лица; готов держать пари, она была страшнее лошади). Последний «рядовой» сломал ногу, прыгая через поваленное дерево. Он жалобно стенал вдогонку, просил не оставлять его в беде, взять с собой, он может прыгать и на одной ноге… Происшедшее покоробило – уж лучше бы Рачной пристрелил своего холуя. Впрочем, когда мы спустились в низину и ветки кустарника сомкнулись за спиной, прозвучала короткая очередь. Оппоненты пленных не брали.

Мы уходили в глубь низины. Затопленных участков вблизи опушки было немного, мокрая земля проседала под ногами, но не засасывала. Деревья и кустарники громоздились стеной. Упавшие деревья висели на живых, залежи ломаных бескорых веток, сучья, вставали баррикадами трухлявые стволы. Степан неплохо знал дорогу на Сонькину топь, и мы практически не останавливались, хотя и двигались по витиеватой траектории. Я приказал Степану переключить фонарь на рассеянный свет – вряд ли за стеной растительности заметят огонек, но рисковать не стоило. Мы забирались в самую глушь – царствие водяного и кикимор. Двигались в колонну, след в след, раздвигая ветки, а где-то проползали, чтобы не повредить глаза. Степан ворчал, что только об этом и мечтал, что у него, вообще-то, свидание и он бы еще мог успеть…

– Ничего не слышу… – хрипел за спиной Рачной. – Виола, ты что-нибудь слышишь? Идут за нами?

– Не слышу, Любомир… – отдувалась девица. – Хор кастратов в ушах… Слышь, Сусанин, как ты думаешь, эти долбоклювы будут нас преследовать?

– Ты у какого Сусанина спрашиваешь? – недовольно проворчал я.

– Да у тебя, блин…

Воспитание эта представительница слабого пола явно получила поверхностное.

– Будут, не волнуйся, – отозвался я. – У них фонари, да и наши следы прекрасным образом отпечатались. Но нас не догонят. Скорость, с которой мы идем, максимальная для этого леса.

– Им еще следы читать надо, – соглашался Рачной. – Как же вышло, Михаил Андреевич, что ты оказался на краю Каратая в столь… хм, скажем, необычном для себя амплуа? Ох, и наделал ты шороха перед своим исчезновением!.. Благомор метал молнии, тебя искали по всему Каратаю, у меня был приказ взять тебя живым, добыть информацию и умертвить самым мучительным способом… Да ты не бойся, столько воды утекло с тех пор, кого сейчас волнуют старые приказы Благомора…

– Не поверишь, Валерий Львович, ни капельки не страшно. А уж тебя-то точно не боюсь. Отбоялся свое, хватит уже. Кстати, если зашел такой разговор, должен доложить, что вся моя героическая деятельность во вред режиму Благомора началась с банальной подставы…

Я стал рассказывать, что никогда не помышлял о диверсиях, с заговорщиками не якшался, напротив, выискивал их и сдавал «правосудию». Благомору был лоялен, а то, что проявлял излишнее любопытство, так это черта характера. Словом, я доставлял удовольствие своей совести, дал ей годичную передышку. Какие уж теперь тайны? Я поведал о злокозненном отношении некоего Стрижака (мир его праху), об уважительных причинах, подвигнувших его на такое отношение. О том, как спелись Стрижак с моим информатором Плюгачом, что из этого вышло – как мы влезли в операцию, проводимую Филиппычем, почему он, собственно, умер (Филиппыч), и о том, что я до последнего момента не верил в существование параллельного мира, на котором и строился главный бизнес Благомора. А то, что в распадке Бушующих Духов случился обвал, повлекший катастрофические последствия, виновен опять же не я, а некий нервный стрелок, плохо читавший инструкции.

– Потрясающее открытие, Михаил Андреевич, – усмехался Рачной, – а ты у нас, оказывается, белый и пушистый… Ну, что ж, поздравляю, хотя бы для тебя эта история закончилась благополучно.

– Это трудно назвать благополучным исходом, – возразил я. – Предпочел бы съездить в параллельный мир, где победила социальная справедливость, укатить на тамошнее Таити и спокойно поплевывать в море.

– Думаешь, тамошнее Таити сильно отличаются от нашего? – развеселился Рачной. – Выбирайся из Каратая и дуй в Океанию – уверяю, тебе понравится.

– А сам-то, Валерий Львович? Вот скажи, какого хрена – с твоим-то опытом и возможностями – остаться после катаклизма в Каратае, да еще и податься в «мессии»? Чем ты думал? Ты же информированный человек – знаешь, что делают с теми, кто подбирает валяющуюся под ногами власть…

– Ты тоже, Михаил Андреевич, неплохо информирован для болотного жителя. Виола не даст соврать…

– А Виола, Любомир, никогда не даст тебе соврать, – проворчала девица. – Впрочем, если решишь соврать, то тоже дам.

– Она у меня чудо, – похвастался Рачной. – Любим друг друга до полного изнеможения. Она прекрасно знает, кто я такой, и я о ней все знаю… О чем это я? Не поверишь, Михаил Андреевич, но после памятных событий все выходы из Каратая оказались заперты…

Собственно, не все. Несколько месяцев назад, после откровений пьяного старожила, я отправился в дорогу. Плутал по тайге, пролез по карстовым ручейкам через Волчью Гриву и всплыл, ни много ни мало, в России! Помню страх, охвативший меня после прозрения. Я кинулся обратно, и несколько дней после этого не мог успокоиться – глушил первач, запивая его бражкой… Несложно догадаться, что я промолчал.

– И какими бы рычагами я ранее ни орудовал, – продолжал Рачной, – это то же самое, что биться о бетонную стену. Просто НЕКУДА бежать! Невероятно, позорно, но факт. Куда ни кинься, везде отлуп. Каждую дырочку перекрыли, и не пробьешься даже с ротой автоматчиков. Прорывался, кстати. Потеряли почти всех… И лазейка в распадке Бушующих Духов, благодаря стараниям некоторых – не будем показывать пальцем, – оказалась заколоченной. Да и толку от нее – вертолетный парк оказался под контролем неустановленных лиц… снова стыдно признаться – даже мне со своими возможностями не удалось установить, кто эти парни. А базу в Журавлином тупо заминировали, все машины угнали в неизвестном направлении…

– Но «вертушку» для побега из Каратая ты все же добыл, – напомнил я.

– «Вертушка» не моя, – фыркнул Рачной. – Спецназ, с которым мы имеем дело, – не ангелы божьи, которых невозможно убить. Обычные наемники, получившие задание. Их

можно объегорить, угнать у них «вертушку»… Не спорю, допустил ошибку. Не открою Америку, если скажу, что все до единого жители Каратая стали в один прекрасный день участниками дорогостоящего эксперимента. Плевал я, какие у него цели и кто замазан. Стряхнули режим, уничтожили все, что возводилось десятилетиями, – и сидят, смотрят, что из этого выйдет. А кто задумает навести порядок на ограниченной территории – заметь, не все они сволочи, – к тому приходят гости и без долгих разбирательств спроваживают на тот свет…

– Ты говоришь, за Каратаем наблюдают?

– Легко, Михаил Андреевич. Мы лично ловили этих парней, хотя и трудновато их поймать. На джипах разъезжают по дорогам – а джипы, между прочим, бронированные, щетинятся оружием, а внутри – любое средство связи, какое душе угодно, вплоть до спутниковых телефонов…

– Ну, может, это какие-то продвинутые местные…

– Да ни хрена они не местные! – подала голос Виола. – Казачки засланные. Опрятные, упакованные, побритые – в натуре, мачо… В середине мая мы их где-то подловили, да, Любомир? Стопку газет нашли в бардачке. «Желтая» пресса, чисто время убить. И датированы газеты концом апреля и началом мая текущего, между прочим, года. Это говорит о чем-то?

– Да уж точно говорит… – задумался я.

– Ага, и колбаса в вакуумной упаковке, – добавил Рачной. – Произведена за шесть дней то того, как мы их тачку тросиком зацепили. Пообщались с парнями, прежде чем умертвить. Один из Норильской конторы УФСБ, другой из самой столицы – вроде как аналитик при информационном холдинге. В командировке парни. Работают втемную – за нормальные деньги. Ни хрена, конечно, не знают, кроме пары прямых руководителей. Задание чисто конкретное – картинки с натуры, фото– и видеосъемка, никакого контакта с населением. А еще поведали по секрету, что над Каратаем висят как минимум четыре спутника и с любопытством взирают, чего мы тут делаем… В общем, не был я «мессией», Михаил Андреевич. Все эти потуги отдавали бы сельской художественной самодеятельностью. Проще надо быть. Мыкался по Каратаю с группой доверенных лиц – вон, Виолку подобрал, она как раз банду из девчат сколотила, ейбогу, ангелы Чарли… Не состоялась, в общем, мирная жизнь. Не мог сидеть на месте. Но на власть в масштабах всего Каратая не претендовал, религий не придумывал – не дурак, понимаю, где проходит грань «дозволенного». Обосновался с группой в девяносто рыл у речки Подкол недалеко от Веприно в долине Падающей Воды; хулиганили помаленьку, хотя и не сказать, что сильно обижали местных. Народ к нам потянулся за защитой… пришлось погоняло себе изобрести, все такое. Ребята лояльные были, не отнять. Не обижал я их, заботился, с пониманием относился к проблемам личного состава…

– В общем, перегнул, – хмыкнул я.

– Не согласен, – возразил Рачной. – Профилактическая акция – я так считаю. Разнюхали, кто я такой, – а чего уж греха таить, влияния у меня при Благоморе было предостаточно, работу налаживать я умел. Решили избавиться от греха подальше, пока не пришлось подгонять целую армию… Ну, и повозились они с нами, верно, Виола? – В голосе Рачного зазвенела гордость за «удачно проваленную работу». – Они же не знали, что подходы к лагерю изобилуют приятными сюрпризами… Числом задавили, суки. Но зато мы «вертушку» у них умыкнули из-под самого носа…

Девица благоразумно помалкивала, и у меня стало складываться впечатление, что не такая уж она и глупая. Причин для гордости совершенно не было. Каким бы профи ни был Рачной, а потерял он всех своих людей, да и ночь еще не кончилась…

Метров через двести Степан объявил, что мы входим в царствие смерти, и желающие могут помолиться. Потом он долго занимался сексом с грудой бурелома, после чего заявил, что, кажется, заблудился – что-то раньше этой груды тут не было.

– Завели, демоны, – вздохнула Виола.

Степан тут же начал кричать, что претензии не принимаются, что в его планах на текущую ночь значилось совсем другое, что он может уйти – возможно, его еще ждут, – и если нам не нравится, можем сами прокладывать дорогу. Я быстренько уверил его, что нам все нравится, кроме слова «заблудился», и на его месте я бы использовал эвфемизмы. Подходящая тропа, впрочем, нашлась, и мы двинулись дальше, прислушиваясь к аппетитному чмоканью из болота.

Погоня не успокоилась, за нами шли. Время от времени мы вставали и делали уши веером. В отдалении перекликались люди. Ощущение было жутковатое. Но план, как обвести погоню вокруг носа, уже созрел. Я вспомнил про островок посреди Сонькиной топи – наткнулся на него случайно еще осенью, когда совершал «ознакомительную» прогулку, вызванную большой депрессией и желанием поиграть в русскую рулетку. Со стороны казалось, что шапка размочаленного кустарника произрастает прямо из воды. Но впечатление было обманчивым. В центре этой шапки имелся заросший мохом бугорок метров полутора в диаметре, практически не заметный со стороны. Помнится, я провел там ночь, став объектом внимания парочки нематериальных субъектов (благо фляжка с самогоном оказала добрую службу), а утром отправился дальше – воевать с депрессией на суше.

– Так, внимание, – сказал я, отыскивая взглядом приметную трехствольную иву – хороший ориентир. – Позволь, Степан, перехватить бразды правления. Идите за мной, и ни шагу в сторону. Просьба не удивляться, если вода дойдет до пояса, – в этом месте не топко. А вот немного слева и справа…

В гнетущем молчании мы хлюпали от ивы до островка. Вычислить наши следы загонщики теперь не могли – те попросту обрывались. По логике вещей, мы должны были отправиться на юг, а никак не в сторону – а именно в стороне и расположился островок. Мы медленно шли, ощупывая дно. Вода заливала щиколотки, холодила бедра.

– Ох, завел ты нас, Михаил Андреевич, ох, завел… – урчал Рачной.

– А что, отличное местечко для романтических свиданий, – пыталась шутить Виола.

– Вот только не надо про свидания… – тоскливо бубнил за спиной коротышка. И вдруг издал булькающий звук. – Эй-эй, а вы не забыли, что я вам тут не Гулливер?.. Ой, куда это я?

– Спокойно, мелкий, держу, – ухмыльнулась Виола. Я повернулся, перехватил у нее под мышки возмущенного коротышку и донес до островка, где погрузил в ивовый молодняк. Он выбирался из него, отфыркиваясь, злой, как черт.

– Ползите за мной, – шепнул я, перебираясь на противоположную сторону бугорка. – Здесь мох, постарайтесь окопаться, забраться как можно глубже. Фонари эти заросли не пробьют, но если ребята решат поупражняться в стрельбе наобум…

Мы вгрызались в сырую землю, замирали. Холод осваивал организм; застывали ноги, околевала поясница и першило в горле.

– Не вздумайте кашлять, – предупредил я. – И что бы ни происходило, не шевелитесь.

– Да уж не маленькие, сообразим, – кряхтел Рачной, гнездясь на клочке «жилплощади».

– А вдруг нас найдут? – гулко прошептала Виола.

– Что значит «вдруг»? – пошутил Степан.

– Если найдут, то убьют, – отозвался я. – Может, не будем о плохом? Что, Валерий Львович, не царское это дело – гнить в болоте?

– Ох, не царское, сын мой… – подыграл Рачной.

Мы всматривались в темноту. С севера надвигалось несчастье. Огоньки плясали между деревьями – спецназ двигался по нашим следам в колонне по одному. Бойцы не спешили – осваивать «легкие планеты» их не обучали. Они еще были далеко.

– Как же ты, Валерий Львович, со своей могучей службой проглядел такую охренительную заподляну? – спросил я. – Взорвать Каратай – это не бомбу бросить. Требуется длительная

подготовительная работа. Заброска диверсантов, закладка взрывчатки во множество мест… Нужно срочно ослепнуть, чтобы такое проворонить, разве нет? И без предательства на высшем уровне не обошлось. Но ты, я думаю, не предатель – судя по тому, что год уже мыкаешься по Каратаю в интересном положении…

– Уж мне ли об этом не знать, – усмехнулся Рачной. – Не поверишь, Михаил Андреевич, проворонили. Гениальная работа. Не припомню ни одной отвлекающей акции. Ночь на первое августа – и вдруг перед рассветом все взорвалось! Словно Гитлер напал на Советский Союз. Сотовые вышки накрыли одновременно – и разом никакой связи. А без связи в наше время… Не знаю, как в других местах, а в долине Черного Камня и Мерзлом Ключе даже пикнуть не успели. Я с какой-то телкой ночевал – Благомор перед этим за ненадобностью выкинул, а я подобрал… прости уж, Виолетта, мы тогда еще не были знакомы…

– Да, ладно, Любомиша, не напрягайся, – шепнула девица. – Из меня тоже ангелок в ту пору был начинающий…

– Инфраструктура просто развалилась. Взорвали гидроузел на Сарагаше, перебили центральный кабель, силовые установки, обесточили всю следящую и записывающую аппаратуру… Важных шишек из окружения Благомора стреляли как куропаток – явно знали, где ночуют. Телку, что со мной спала, свинцом накачали, а я в окно успел выпрыгнуть. Паника царила всюду. Взрывы, мины свистят, резиденция Благомора развалилась, как картонная. Обломки зданий просто скатывались с террас, перегораживали распадок… Люди разбегались. Сопротивления почти не было – да и кому его оказывать? Выжил ли Благомор, хрен его знает – информации на сей счет не поступало; да и впоследствии, сколько ни говорил с людьми, никто ничего не слышал. Потом уже узнал – в Мерзлом Ключе комендантскую роту подняли по тревоге, выдвинули на позицию – офицер попался боевой. Но прилетела «Черная Акула» – и давай крошить, мало кто успел выбраться… Та же история с головорезами Тихомирова. Пьяные были в стельку, напоили их под корень – вроде шмары какие-то в гости приходили… казарму заблокировали, а когда полуголые стали выскакивать, их просто клали штабелями. Брестская крепость, блин… Мне еще повезло – успел на машине вырваться, пока распадок не завалило, отлежался сутки в камышах недалеко от Тарбулы…

– Да хватит вам трепаться, – ворчливо бросила Виола. – Сейчас начнется…

Больше всего на свете я ненавидел бегать по Каратаю без оружия. Уж лучше без рук, без ног, без мозгов, но обязательно с убивающим устройством, пусть даже примитивным! У Рачного был «Кипарис», у Виолы – мелкая штуковина вроде «узи», но патронов оставалось с гулькин нос. Впрочем, если бы нас обнаружили, то и их бы истратить не дали.

Голоса приближались, чавкала земля под сапогами. Мы зарывались в прелую жижу, старались не дышать. Кто-то выкрикнул, что он не видит следов. Ура, искомые объекты утонули в болоте! Начальственный голос резонно предположил, что всей толпой мы утонуть не могли, и не хрен тут радоваться, вперед! Пятна света прыгали по кочкам, по редким деревьям, по заросшим ряской окнам. Кто-то крикнул, что видит тропу, сделал шаг. Товарищей поблизости не оказалось – несчастного засосало по грудь. Пока подбежали, роняя фонари, он уже вытягивал шею, что-то хрипел. Ему тянули стволы, но он не мог оторвать от тела руки, а когда преодолел сопротивление болота, сила засасывания только возросла. Трясина с удовольствием приняла жертву и вкусно чмокнула – мол, можно еще. Люди заволновались; кто-то крикнул, что пора убираться. Но сворачивать операцию приказа не было. Командир хрипел, что лично пристрелит любого, кто отступит, – вперед, трусы! Как в анекдоте: половина налево, половина направо, остальные – за мной…. Бойцы ворчали, но повиновались. Кто-то оступился, испуганно вскрикнул, его успели вытащить и наградить оскорбительными эпитетами. Кто-то, балансируя на узкой тропе, крикнул, что, кажется, нашел стежку, но восторг его потонул в

брызгах и хоровых матерках. Степан судорожно вздрогнул, я почувствовал толчок. Почувствовала и Виола, окопавшаяся справа от коротышки.

– Что, мелкий, – шепнула, – птичку жалко?

– Да шла бы ты, – буркнул Степан.

– Так я и шла, – фыркнула девица. – Сами завели.

Отряд спецназа нес тяжелые потери. Сколько полегло их в долине Падающей Воды, сколько в Опричинке, в потасовке с нами – а тут еще прожорливая Сонькина топь… Бойцов оставалось совсем немного. Люди тонули, к ним никто не рвался на помощь – шаг влево или вправо в этой мышеловке означал скорую смерть. Кто-то бросился назад, но не нашел дороги; мучительный крик возвестил, что ход оказался неверен. Люди бултыхались, хватались за деревья. Кому-то хватило выдержки, и он яростно работал шестом; потом объявил, что нащупал что-то твердое. Мы лежали ни живы ни мертвы. В этом хаосе, что творился в радиусе тридцати метров, любой желающий мог случайно набрести на островок. Но уцелевшие, кажется, уходили. Силуэты людей, вставших на тропу, мелькали за деревьями. Я облегченно перевел дыхание. Но нет, выявился отстающий – барахтаясь в жиже, он выбрался на бугорок, заметался, крикнул: «Подождите!» Из хвоста колонны товарищу по оружию посоветовали поднажать – мол, семеро одного не ждут. Он перепрыгнул на соседний бугор, поскользнулся, упал, выронив автомат. Пока выискивал его в сыром лишайнике, колонна ушла. Фонаря у бойца не было. Ругаясь сквозь зубы, он метнулся влево, вправо, погрузился в воду, пулей из нее вылетел… и оказался на тропе от «троекратной» ивы к нашему острову. От страха он перестал соображать. Увидел шапку кустарника и бросился к ней, вздымая тучу брызг. А я уже летел навстречу, вспоминая основы диверсионно-разведывательной деятельности. Толчок, бросок – с целью вывести из равновесия, легонько придушил, дабы не шумел, и когда тот обмяк, выволок на бугорок и бросил на свободный пятачок.

– И куда нам прикажешь транспортировать это тело? – забрюзжала Виола. – На хрен он нам сдался? Тут и так тесно.

– Луговой добыл «языка», – сообразил Рачной. – Хотите о чем-то поговорить? И обстановка не смущает?

– Дружки хватятся, – пискнул Степан. – Ты чего, Михаил Андреевич, белены объелся?

Я не стал им объяснять свою мотивацию. Могли бы догадаться, что, доберись этот парень до островка, поднялся бы хай, и уцелевшие спецназовцы побежали бы обратно. Я избавил бойца от необходимости носить оружие, забросив за спину компактный девятимиллиметровый «Кедр» (тридцать сантиметров в сложенном виде!), растолкал по карманам запасные магазины, и когда он начал выбираться из прострации, сжал ему горло, чтобы не орал. Спецназовец засучил ногами; на них предусмотрительно уселась Виола (фигурка у нее было достаточно гибкая), и дрожь бойца приняла локальный характер. Я терпеливо ждал.

– Дыркин, ты где? – прокричали из темноты.

– В Хургаде, – хихикнула Виола.

Боец предпринял попытку вырваться, и Виола закачалась, как на качелях. Я усилил нажим на трахею. Секунды молоточками стучали по вискам.

– Трындец Дыркину, – неуверенно предположил пессимист.

Они кричали еще нескольких минут. Кто-то предложил вернуться и поискать горе-вояку, но идея не нашла поддержки в рядах соратников. Они решили, что Дыркин утонул или дезертировал с «поля боя», и отправились дальше своей дорогой разочарований. Я ждал, считая секунды десятками.

– Что-то завис ты, Михаил Андреевич, – осторожно вымолвил коротышка. И проворчал, обращаясь к «задержанному»: – Ну, чего смотришь? Ты умер.

– Нам нужны твоя одежда и мотоцикл, – зловеще сказала Виолетта.

– Слушай, парень, – пробормотал я, – коллеги шутят. Сейчас тебя отпустят, но первый же вопль станет предсмертным. Стоит оно того?

Боец затряс головой, чего-то замырчал. Я убрал руку, и он начал хрипло доказывать, что убивать его ни в коем случае нельзя, у него семья в Экибастузе, двое маленьких деток, а он в семье один кормилец. Я направил ему в лицо фонарь, любезно предложенный Рачным. В принципе, я подозревал, что ничего таинственного в этих «ликвидаторах» нет. Страшно, когда они наваливаются под покровом ночи, но и сами отчаянно трусят, оставаясь наедине со смертью. Спецназовцу было за тридцать; сухощавый, малопривлекательный, он дрожал от страха, как кролик. Стандартная униформа – буро-зеленый камуфляж, пояс-портупея с чехлами для гранат, ножей и прочих приспособлений, облегчающих жизнь солдату удачи. Шапочка из мягкой ткани, способная трансформироваться в маску, а при желании – и в сетку от москитов.

Допрос прошел без осложнений, но нужной информации я не добыл. Господа «конспирологи» неплохо зашифровались. Информацией об устроителях «конца света» в Каратае Виталик Дыркин не владел. Устроители ЧЕГО? Что такое Каратай? Биография стандартная. Чечня, десантная дивизия, еще раз Чечня, теперь уже в качестве контрактника. Ничего не умеет, кроме как воевать и убивать. Отлучение от армии за аморалку, на этой аморалке и женился, переехал в Казахстан, на родину супруги. Безденежье, пьянство, депрессия, выгодное предложение от серьезных людей поработать по специальности и поменьше любопытствовать. Сумма контракта устроила – не такая большая, чтобы насторожить, но и не маленькая, чтобы отказаться. Вопросы Виталик не задавал, вернулся в Россию. Тренировочный лагерь на севере Томской области (где люди в принципе не живут), жесткий тренинг, психологическая обработка, инструктажи… Никто не знал, куда их везут, но в головы вдолбили, что на той территории, где им дадут развлечься, законы РФ не действуют, и за всякие «мелкие» убийства судить не будут. Однако дисциплина, соблюдение инструкций и выполнение приказов – это святое. Мародерство, вольница – недопустимы. Не умеешь работать в коллективе – до свидания. Чувствителен к виду крови и человеческим страданиям – лучше сразу уходи (не забывая о данной подписке). Отработать Виталик успел неделю. Две ночные операции, когда наемникам ставилась конкретная задача на уничтожение. Десантирование в «квадрате 16–38», Змеиный кряж, уничтожение колонны людей, передвигающихся в северном направлении. Кто такие и куда шли, объяснить «забыли». Сопротивление было незначительным. Поставленную задачу выполнили блестяще. Несколько дней передышки, и следующий пункт назначения: долина Падающей Воды…

– Далее понятно, – проворчал Рачной, – Хреновый из тебя «язык», дружище. Ты закончил познавательную беседу, Михаил Андреевич?

– И куда его теперь? – фыркнула Виола. – Присоединим к армии твоих фанатов, Любомир?

– Не убивайте, прошу… – захрипел Виталик, разглядев плотоядный блеск в глазах Рачного. – Я никому не скажу, я всего лишь исполнял приказы…

– Подожди, Валерий Львович, – встрепенулся я. Кончать этого неудачника я не собирался – не обзавелся привычкой резать безоружных. Но в свете фонаря уже блеснул нож Рачного; «безопасник» провел им по горлу спецназовца и пинком отправил парня в болото, пока тот не забрызгал всех кровью.

– Как консервативно, – проворчала Виола.

– Он убил его, да? – вытянул шею коротышка.

– Паршивый из тебя гуманист, Валерий Львович, – признался я. – Боюсь находиться с тобой в одной компании – ведь прирежешь же ненароком.

– Не трусь, Михаил Андреевич, – в голосе «мессии» зазвенели обиженные нотки. – Рачной своих не убивает, забыл?.. А куда прикажешь его девать? Отправить в нокаут на парутройку часов? А потом? Только не говори, что мы уже куда-то уходим.

И хрен ведь поспоришь. Не могли мы в ближайшие часы покинуть гостеприимный островок. Везение – штука капризная. Батарейка в единственном фонаре садилась. Бродить по болоту в темноте – занятие увлекательное. Не стоит сбрасывать со счетов и неожиданную встречу со взбешенным бродячим спецназом. После недолгого препирательства (Степан не понимал элементарных вещей, соседство этой парочки его тяготило) мы пришли к соглашению: до рассвета ночуем, а утром пойдем на юг – до выхода из низины не больше версты. А там уж наши дороги, слава богу, разойдутся – мы со Степаном вернемся в Опричинку, а эти двое пусть катятся куда угодно. «Быстрее бы утро, быстрее бы утро», – твердил Степан, ворочаясь в своем сыром ложе. А я боялся, что к утру мы подхватим воспаление легких и будем просто не в состоянии куда-то идти. Утешало, что ночь была достаточно теплой. Несколько раз я просыпался от тяжелого кашля, мучительно засыпал, оборачиваясь вокруг самого себя, жался к коротышке и даже чувствовал, как колотится его маленькое сердце; проклинал Его Величество Случай, всегда объявляющийся так некстати…

Лишь к рассвету меня сразил тяжелый сон. А едва рассеялась кислотная хмарь, мир взорвался! Мы проснулись от жуткого грохота. Над островком зависло серое брюхо вертолета. Полег кустарник, тряслись деревья, сбрасывая редкую листву. Элементарная мысль никому из нас намедни в голову не пришла. Куда уж проще – дождаться рассвета и осмотреть болото с воздуха. Здесь нет густого массива, деревья разбросаны, и сверху все прекрасно видно. И островок, окруженный кустами, как тонзура католического священника…

– Полундра!!! – опережая меня, заверещал коротышка. Брюхо вертолета, покачиваясь, отъехало в сторону, застучал пулемет.

– Суки! Твари! Волки позорные! – гремел Рачной.

Я видел, как исказилось в гневе его лицо. Он вскинул автомат, застрочил, не целясь… и рухнул с окрасившейся головой на свою ополоумевшую от страха подругу. Мы с воплями разлетались в разные стороны. Болото уже не представлялось чем-то ужасным. Оно давало шансы выжить – в отличие от ливня свинца, взорвавшего островок. Я отбросил автомат, нырнул в воду… и чуть не слился в объятиях с Виталиком Дыркиным, который, оказывается, всю ночь плавал вокруг островка, оберегая нас от посягательств нечистой силы. Как я благодарен был этому трупу… Он оказался точно надо мной и принял на грудь предназначавшийся мне свинец. Покойник сотрясался от пуль; я вцепился ему в куртку, обвил его ногами и потащил за собой на дно. Повезло, что непосредственно вокруг островка топкой жижи почти не было. Не знаю, от чего это зависит. В двадцати шагах засасывает моментально, а здесь можно плавать (хотя и недолго). Пули штриховали толщи воды, взбивали ил на дне, он вставал столбом. Я расстался с Виталиком (никогда не думал, что обниматься с покойником такое удовольствие), поплыл во встающую со дна муть, ткнулся в тяжелую сучковатую корягу, начал ее переворачивать. В итоге она оказалась на мне, вонзилась сучком в пах и придавила ко дну. Я дурел от боли, кончался воздух в легких, но я терпел. В ушах звенело, я ловил звуки, доносящиеся словно из другого мира. Пулемет уже не строчил, но вертолет еще присутствовал. Трещал потрепанный двигатель, ходуном ходила вода. Я чувствовал, что протерплю еще несколько мгновений, а потом взорвусь или утону. Голова превращалась в надутый шар, ядовитая желчь растекалась по горлу. Все, это был предел. Извиваясь, я выбрался из-под коряги, придавившей меня ко дну. Затрещала куртка – сучок держал ее мертвой хваткой. Но я не оставил болоту самое ценное. Вынырнул с выскакивающими из орбит глазами, судорожно хватая воздух. Вертолет уже удалялся, скребя пузом кроны деревьев. Я выполз на сухое, отдышался. Виталик Дыркин снова плавал рядом, косил лиловым глазом, словно предлагал поблагодарить. Я взобрался на островок. Кустарник порвало свинцом, от него практически ничего не осталось. Труп Рачного превратился в решето, и бронежилет не помог. Я подобрал автомат – вроде целый, только рукоятка треснула. Начал озираться. Только я и остался? Коротышка, хватит издеваться… Рвотная

масса потекла по горлу, я сложился вчетверо; меня рвало, голова трещала. Я заставил себя собраться, забегал по островку, всматривался в воду. И закричал от радости: из-за массивного ствола ивы, изогнутого у основания, выплывали большие выпуклые глаза, подаваясь в мою сторону – словно жаба покоряла водную гладь. Камень свалился с души, и я пустился в пляс, подбрасывая автомат.

– Уже можно? – хрипло спросила «жаба», подплывая к островку.

– Нужно! – завопил я, вылавливая за шиворот коротышку.

Он практически не пострадал, если не считать порванного уха. Вертелся, сдирал с себя ряску и тину, неподражаемо ругался. Покосился на покойника, плавающего в воде, на труп Рачного, на меня, задумался – кого-то не хватало. Посмотрел по сторонам, крикнул как-то робко:

– Эй, как тебя, ты живая? – Подождал, не дождался ответа, посмотрел на меня. – Ну, и слава богу…

Внезапно вода у него под ногами буквально взорвалась – словно гранату бросили! – и из мутных глубин вырвалась болотная кикимора. Она колотила по воде, с макушки свисали дары болота, глаза затравленно блуждали, грудь вздымалась. Мы с коротышкой расстроенно переглянулись – сюрприз, бывает же такое… Я протянул руку:

– Давай кочерыжку.

Виола ее проигнорировала, выползла из воды, затрясла Рачного. Посидела в оцепенении несколько секунд, повернула к нам незрячие глаза – страшная, потрясенная, вся какая-то скукоженная…

Примерно в восемь утра, по уши грязные, злые, дважды упавшие в болото, мы вывалились на цветущий луг, примыкающий с юга к Васятинским топям, и упали в траву. Вертолеты не летали, рейнджеры местность не прочесывали, за все время нашего героического прорыва через болото мы не встретили ни одного человека. Спецназ одержал пиррову победу и удалился на базу. На спутников страшно было смотреть (на меня, наверное, тоже). Обалдевший коротышка был похож на сплющенного взъерошенного медвежонка. У девицы заплетались ноги, волосы покрылись болотной «краской», лицо приобрело землистый оттенок. Глаза, ввалившиеся в глазные впадины, бессмысленно сверлили пространство. Ее как-то странно выгибало, корежило; она то плакала, то нервно смеялась и разговаривала сама с собой.

– Послушайте, гражданка, вы бы прекращали этот цирк, – недовольно ворчал Степан. – Знаешь, Михаил Андреевич, мне кажется, эта тетка – полная и безнадежная дура. А от дур одни неприятности. Возьми, например, пулю…

Не договорив, он уснул с открытым ртом, в который чуть не влетела пчела – хорошо, я успел ее отогнать. Я тоже уснул – с неясной тревогой относительно свалившейся на наши головы «красотки». Проснулся я от сдавленного стона. Виола не спала. Она вертелась, продавливая изящной попкой воронку в земле. Руки при этом болтались, словно принадлежали не ей, а кому-то другому. Женщина задирала голову к небу, скрипела зубами. Странно, я до сих пор не мог понять, какое у нее лицо – оно превратилось в искаженную маску землистого цвета. «Переживает потерю любовника?» – озадачился я.

– Поздравляю, Михаил Андреевич, – подполз ко мне коротышка. Он тоже проснулся от женского стона. – Мы с тобой подобрали не только дуру, но и законченную опиоидную наркоманку. Ломка у мадам, типичный абстинентный синдром…

И как я сразу не сообразил! Давненько не встречали мы наркош в затерянном уголке. Люди здесь простые, довольствуются похмельем. Девице требуется доза – и, пока не получит, изведет и себя, и нас! У одних ломка начинается через сутки после последнего укола, у других – через четыре часа… С нарастающим ужасом я смотрел, как Виола впадает в судорожное состояние, превращаясь в куклу с разболтанными шарнирами; хлещет себя по щекам, трясет

головой, словно избавляется от проклятия… Физиономия то краснела, то чернела, то покрывалась фиолетовыми пятнами. Страдая мышечными судорогами, она стащила со спины миниатюрный рюкзачок и принялась в нем ковыряться.

– Чего она там ищет?

– Да уж не томик поэзии Серебряного века, – мрачно ворчал коротышка. – Ничего она там не найдет. Была бы доза, давно бы нашла. У любовника все осталось – тут и к бабке не ходи…

– Что же делать будем, Степан? – в отчаянии стонал я. – Может, пристрелим ее?

– Ну, не знаю, Михаил Андреевич… Сообрази ей дозу. Угости даму потрахаться, в конце концов; может, отвлечется…

Я чуть не треснул его за такое предложение. Виолу ломало рядом с нами, при этом она не видела нас. Отбросила рюкзачок, уставилась в пространство отсутствующим взором. Пот катился со лба. Дрожала – буквально взрывалась – оттопыренная нижняя губа. Потом она немного успокоилась и улеглась, обняла прижатые к животу колени. Я тоже расслабился; подкрался морок, потащил в долину грез. А когда повторно очнулся, бушевало второе действие спектакля. Но что-то в поведении девицы изменилось. Такое ощущение, что ей стало весело, но физическое состояние не позволяло насладиться житейской радостью. Она хихикала, зажав виски ладонями, потом легла на спину и запрокинула голову. Организм отвергал состояние покоя – перевернулась на сто восемьдесят, потерлась носом о липкий глинозем. Я перехватил сконфуженный взгляд коротышки.

– Что это с ней, Степан?

– Мухоморчиков пантерных облопалась… – Степан смутился и отвел глаза.

– Где взяла?

– Так это… я принес ей из леса, их там тьма-тьмущая… А что? Всего лишь пара нераскрывшихся шляпок, вполне себе магический гриб…

Последовала бурная сцена. Я кричал, что не потерплю потакания наркомании в наших рядах и что отныне он не должен реализовывать безумные идеи без моего ведома. Может, ей еще и героинчика сообразить на дорожку? Может, мы и сами за компанию с ней чего-нибудь пожуем – чтобы одной не скучно было питаться?

– Не ори, – поморщился коротышка, дождавшись паузы в моей решительной отповеди. – Ну, да, возможно, выбранная тактика оправдала себя лишь частично. А что еще я должен был делать? Пристрелить к чертовой бабушке? Ты уснул, а она давай тут колбаситься – думал, придушит нас с тобой. Ну, сбегал в лесок… Загадка природы, Михаил Андреевич. Грибы, растущие на окраинах наших болот, имеют интригующее свойство. Их не надо сушить, варить, да и мухоморами их можно назвать лишь с натяжкой. Главное – с дозой не перебрать. Четверть грамма грибной, хм, плоти на килограмм твоего веса – самый оптимум. Лично не пробовал… боюсь, что понравится… но кое-кто из сельчан их пользует с большой охотой. Поп Окакий, говорили, перед проповедью грибки пожевывал – ну, ради пущего вдохновения, дабы подняться над недостойной мирской суетой… Бродяги разные потребляют; нечисть – так та вообще без этого продукта жить не может… Эффект, как от ЛСД, Михаил Андреевич. Ошеломление, бредишь, дрожишь, в восторг впадаешь, хреновое настроение проходит…

А Виолетта вдруг почувствовала, что она не одна, и приподнялась, обратив в нашу сторону отчасти осмысленный взор. Уселась в позу отдыхающего турка, задумчиво посмотрела на собственную грязную руку, провела по лицу, отметив «неродные» неровности, брезгливо поморщилась.

– С возвращением, мэм, – махнул я ладонью.

– Туда, – выстрелил пальцем коротышка. – Называется лес. Два шага за деревья – будет ручей. Помойся, почистись, сделай укладку, всю фигню…

Обошлось без нервных сцен. Виола поднялась и плутающей иноходью удалилась за деревья. Пока она отсутствовала, мы со Степаном вяло дискутировали. О перспективах возвращения в деревню, о свалившемся на нас несчастье с неплохой фигурой, о планах на дальнейшую жизнь, о том, что хорошо бы помыться, но почему-то не хочется. Какая необходимость? Грязь – надежнейший камуфляж…

Девицу не подгоняли. Времени у нас был целый эшелон. Чем дольше мы сидели на краю цветочного луга, тем дальше удалялся спецназ. Мы даже тешили себя надеждой, что девица не вернется – сообразит, что не вписывается в наш коллектив порядочных людей, усовестится и уйдет на болото умирать. Но Виола оказалась не из таких. Мы грызли травинки, вяло переругивались, подставляя солнцу для «обработки» мокрые бока, когда послышались шаги, тяжелый вздох, и тело, обладающее сравнительно малой массой, опустилось в траву. Мы обреченно повернулись. И ошалели от изумления.

Она была хороша. Я бы даже сказал, неприлично хороша. Напоминала Монику Беллуччи – а красота последней, как известно, неоспоримый факт. Она сидела перед нами, скрестив ноги, и угрюмо нас рассматривала. Вьющиеся черные волосы еще не высохли, но смотрелись здорово, обрамляя лицо и изящно спускаясь на плечи. У Виолы были красивые черные глаза, оснащенные густыми ресницами, приятные ямочки на щеках. На мочках ушей серебрились «гвоздики» с рубином. Фигура у девицы была практически идеальная: популярный в народе третий размер, длинные ноги, осиная талия. Худые пальцы «пианистки» со срезанными под корень ногтями и остатками мутного лака слегка дрожали, что было, видимо, их привычным состоянием. Девицу не портило даже черное родимое пятнышко посреди высокого лба – удобная, кстати, штука, если надо прицелиться.

– Песец, я в шоке… – признался коротышка. – А она ничего так, да, Михаил Андреевич? С пивом потянет. Вроде другой была… Напомни мне, это правда, что в женщине должна быть загадка?

– Маленькая загадка, – поправил я, показав пальцами, какая именно. – А не кроссворд на две с половиной страницы.

– Сейчас пошлю, – проворчала девица. – И даже в морду, если повезет.

У нее бы был приятный мелодичный голос, не опошляй его нотки вульгарности. Мы поедали Виолу глазами. Ассоциация с «ангелами Чарли», видимо, была не ошибочной. Тело девицы плотно облегал отливающий синью прорезиненный костюм, чем-то напоминающий облачение боевого пловца. Состоял он, впрочем, из двух частей; нижняя часть удалялась при помощи молнии, верхняя – посредством отливающих металлом пуговиц. Ворот был открытым, длинную шею украшало ожерелье из крохотных декоративных черепков, а под ожерельем матово проступал миниатюрный христианский крестик.

– Чего уставились? – Ей надоело, что мы на нее таращимся. – В свадебном платье я смотрелась бы хуже.

– Боюсь представить, как бы ты смотрелась в свадебном платье, – пробормотал я. – Ну, что, знакомиться будем? Или опустим?

– Опустим, – хмыкнула девица.

– Лет-то тебе сколько?

– Ну… – Виола задумалась. – Двадцать пять – тридцать… Сколько бы ни было, дядя, а ты мне в бати годишься. Хотя на хрена мне, спрашивается, такой батя…

Я смутился, а Степан злорадно хихикнул.

– Род деятельности? – нахмурился я. – Имеется в виду не военно-полевая подруга авторитетного господина, ныне покойного, а до того? Впрочем, не боюсь ошибиться – ты работала проституткой. В детстве много хулиганила, водилась с жиганами, в нежном отрочестве подсела на наркоту, в старших классах сколотила банду себе подобных, глумилась над порядочными девочками. Умеешь драться – на примитивном, конечно, уровне. Наглости – полная голова. Из

института выгнали за непристойное поведение. Работать – в падлу, дураки пускай работают. Состояла приживалкой у богатого предпринимателя, да устал он от твоих заколбасов. Выгнал – подалась в элитные путаны, торговала экскурсиями в свою пещеру наслаждений, а в один прекрасный день – убойная доза снотворного, крепкий сон, очнулась в стране, которой нет на картах…

– А ты кто такой, дядя? Ясновидящий? – вспыхнула девица и покосилась на свой автоматик, лежащий в траве. Пнем я по жизни не был – пока она плескалась в ручье, а Степан разрывался между ленью и желанием подсмотреть, я опустошил рожок, рассовав содержимое по карманам.

– Военная прокуратура, – я дружелюбно улыбнулся.

Девица вытянула от изумления мордашку и посмотрела на Степана.

– Росцирк, – представился Степан, приковав взор к вздымающемуся третьему размеру.

Девица прыснула:

– Цирк и военная прокуратура… Вы что, парни, издеваетесь?

– Никак нет, – сказал я. – Старший следователь Марьяновской военной прокуратуры Луговой Михаил Андреевич.

Вот тут ее и долбануло. Откинулась на спину, схватилась за живот и зашлась в животном хохоте. Мы обиженно переглянулись, стали ждать, пока закончится приступ. Приступ прошел, девица откашлялась, поправила волосы и воззрилась на меня с какой-то странной серьезностью.

– Ладно, мужчины, хватит потешаться над бедной женщиной. С собой возьмете? Хотя бы временно. Ну, подумайте, куда одна? Да еще и… – девица покосилась на автомат, на мои оттопыренные карманы. – Вы, что, решили, что я хочу вас укокошить?

– А зачем ты нам? – стушевался коротышка. – Готовить и стирать не умеешь. Разве что так, в качестве картинки… – и осекся, потому что я молчал.

Я безмолвствовал довольно долго, сомневался, протирал в ней дырку глазами. Виола была совершенно не в моем вкусе. В гробу я видал ее неземную красоту. Не люблю я женщин, которые до знакомства со мной переспали с тысячью мужчин. Не люблю вульгарности, грубости, пошлости, демонстративной приблатненности – пусть сам вульгарен, груб, пошляк и базлаю по фене, словно тридцать лет на киче чалился.

– Три кретина, блин… – с сомнением вымолвил коротышка.

– Три кретина – это сила, – неуверенно изрекла девица.

Не знаю чем, но мне понравилась ее последняя фраза.

– Ладно, посмотрим, – неохотно бросил я.

Несколько часов мы обходили Васятинские топи. Двигались краем леса, детально обозревая окружающую местность. Однажды услышали шум вертолета, спрятались на опушке, зарылись в траву и лежали не меньше часа, прячась от мира и от самих себя. «Чем вы питаетесь в этой глухомани?» – ворчала Виола. «Что находим, тем и питаемся, дорогуша», – ворчал коротышка. Только к вечеру, когда раскаленный солнечный диск завис над кромкой леса, мы подошли с юга к Опричинке. Спецназ сделал свое неблагодарное дело и давно смылся. Засаду не оставили – с какой бы стати? Коротышка заревел благим матом и бросился к тому, что осталось от нашей избушки. Озверевшая солдатня спалила ее до основания! Даже сараюшку на краю участка и сортир, из которого открывался философский вид… Подавленные, глотая слезы, мы шатались по пепелищу, рылись в горелках, но даже взять было нечего – весь наш скарб сгорел. Над местностью стелился запах гари, отдельные головешки еще дымились. Мы побрели в Опричинку. Митькин труп, пролежавший весь день на солнце, неприятно попахивал. Мы обошли его окружной дорогой, но и дальше было не легче – трупы валялись на всем протяжении до деревни. Сподвижники Рачного – небритые мужчины средних лет, кто в каму-

фляже, кто в брезентовом комбинезоне… Один форсил вполне «партикулярным» пиджаком средней ценовой категории, из нагрудного кармашка выглядывал сопливый уголок носового платка. Своих покойников спецназ забрал. В канаве у плетня мы наткнулись на тело Акулины Лаврентьевны, матери Митьки, – кто-то неудачно швырнул гранату…

Виола бродила по полю и собирала рожки с патронами. Прицепила к поясу связку гранат, повертела нож в кожаном чехле, пристроила рядом с гранатами. Я тоже сделал запас, предварительно проверив исправность «Кедра».

Уже смеркалось, когда мы вошли в Опричинку. Тоскливый бабий вой висел над деревней. Ужасно представить, что тут происходило прошлым вечером. Сгорело не меньше половины домов, запах гари стоял плотный, щипал ноздри. Повсюду валялись трупы – крестьяне, люди Рачного, мертвые собаки, домашний скот. Запах разложения только формировался, но к утру, если не уберут тела… Несколько человек, пошатываясь, спускались с холма – сбежавшие в лес крестьяне возвращались домой. Кто-то копался во взорванном подворье старосты Кудима. Выла женщина на высокой душераздирающей ноте. Нас никто не замечал. Стрелкам Рачного удалось подбить один из вертолетов спецназа, он «удачно» спикировал на дом Пантелея Свирищева, пробил кабиной крышу, и теперь из нее торчал трехлопастный рулевой винт и фрагмент фюзеляжа. Двухдвигательный «Ми-8», стыренный Рачным у спецназа, совершил вынужденную посадку в огороде восьмидесятилетней Казимировны – в северной части деревни. Пассажирская модификация – иллюминаторы прямоугольной формы. Он рухнул на грядки с уже взошедшей картошкой. Почему сгорел при этом дом бабки, непонятно – вертолет выглядел относительно целым. Видно, кому-то понадобилось всадить по хате из гранатомета. Бабка Казимировна при жизни отличалась шустростью – выскочила из горящей избы в ситцевой сорочке, но подхватила шальную пулю – лежала, бездыханная, рядом с конурой. Ее венозную ногу обгладывал кобель Норман, привязанный цепью к конуре. Мы оттащили бабку подальше от свихнувшейся собаки и перелезли в соседний огород – к Евсею Конюшину. Изба Евсея не пострадала – в отличие от самого кормильца и его семьи, включающей хромую супругу Дарину и окривевшую тещу (сын у них скончался зимой от тяжелой скарлатины). Бежали к сараю, где имелся погреб, да не добежали – посекло осколками. Хоронить всех павших не было ни сил, ни желания – сельчане похоронят, когда оклемаются. Мы оттащили тела к плетню, укрыли мешковиной и решили, что не произойдет ничего ужасного, если одну ночку мы перекантуемся у Евсея. Покойникам без разницы.

Виола вернулась к вертолету в огороде Казимировны и сказала, что придет попозже. Нам было до лампочки, чем она там занимается. Мы порылись в кухонном хозяйстве, стрескали холодную картошку, старательно прожевали жесткую конину, липнущую к зубам. Отыскали запрятанную бутылку пшеничной самогонки, разделили по-братски и помянули, не чокаясь, всех погибших. Поздравили друг дружку с наступившим концом времен. Остатки пойла слили в кружку, поставили посреди стола рядом с недоеденной картошкой. Разберется, если не дура. Степан сказал, что у него отныне «пост» – он не моется. Я порылся в комоде с чистой одеждой и отправился в холодную баню. Помылся, нашел на полке опасную и чрезвычайно тупую бритву, срезал страшную бороду. Крутился с ножницами перед огрызком зеркала, удаляя с головы растительность. Вернулся в избу (Виолы не было), стал искать в потемках коротышку. Степан ворчал из глубины пространства, что его отныне нет, он улетел на другую планету воевать с покемонами. Я тоже бы куда-нибудь улетел. Сквозь дремоту слышал, как вернулась Виола, выпила самогонку, проворчав, что могли бы оставить и побольше. Чавкала картошкой, потом искала, куда бы упасть. Она блуждала по дому, и я надеялся, что она не завалится на мою тахту, говорю же, эта халда была совершенно не в моем вкусе!

Возможность улететь представилась рано утром. Мне снился розовый танк, бодро проезжающий по моему позвоночнику. Оглушительный треск порвал «умиротворяющее» сновиде-

ние. Я свалился с топчана и принялся выпутываться из набитого соломой одеяла. Мимо проскакала какая-то бешеная табуретка. Хлопнула входная дверь, Степан вывалился на улицу. «Куда его понесло?» – ужаснулся я. Бегает этот шпендель быстрее, чем думает… Я подхватил автомат и, досыпая на ходу, пустился вслед за коротышкой. В ушах гремело; такое ощущение, что во дворе Евсея совершил посадку многоцелевой бомбардировщик. Но эти был всего лишь вертолет «Ми-8» в огороде бабки Казимировны. Он ревел, дрожал и издавал звуки, похожие на «уау». Пятилопастной несущий винт, поскрипывая, бегал по кругу, разгонялся. Из чрева вертушки выпрыгнула возбужденная Виола. Ее физиономия лучилась от удовольствия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.